

А. САМОЙЛОВ • Б. СКОРЬИН

*Тысими
товарищ!*

МАСКА
О Т Ц А
ДИМИТРИЯ

**ЛЕВ САМОЙЛОВ,
БОРИС СКОРБИН**

Маска отца Димитрия

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЗНАНИЕ»**

**Москва
1965**

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Самсон Корытко уходит в армию	3
Солдат третьей роты	18
Пути неисповедимые	36
Горе-стрелок	43
Клевета	54
Встреча в городе	66
Совесть солдатская	75
Костричная, дом 10	82

*САМОЙЛОВ ЛЕВ САМОЙЛОВИЧ,
СКОРБИН БОРИС ПЕТРОВИЧ*

Маска отца Димитрия

Редакторы *В. Чикул, К. Васильева*

Худож. редактор *Е. Соколов*

Техн. редактор *А. Ковалевская*

Корректор *Т. Ушакова*

Сдано в наб. 4.VI 1964 г. Подп. к печ. 18.II 1965 г.

Изд. № 178. Формат бум. 60×90¹/₃₂. Бум. л. 1,5.

Печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,89. А 00987. Цена 9 коп.

Тираж 200 000 экз. Заказ 4198.

Опубликовано тем. план 1964 г. № 112,

Издательство «Знание».

Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Типография изд-ва «Знание».

Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

САМСОН КОРЫТКО УХОДИТ В АРМИЮ

Желтой змейкой вьется узкая тропинка. Она то пропадает среди бескрайнего льняного поля, то появляется вновь и тянется дальше и дальше к невысокой возвышенности, где лепятся окраинные домики поселка Льняной.

На дворе сентябрь. В воздухе пахнет сыростью. «В наших краях земля глубже дышит», — шутят старожилы здешних мест. И действительно, даже в самую сушь, когда в безоблачном небе безраздельно господствует солнце, даже тогда земля здесь не теряет влажности. Она и в зной напоминает губку, из которой выжимают и никак не могут выжать всю воду.

А в осеннюю пору, когда с полей на поселок движется густая пелена дождя, когда ветер свистит в трубах и ворошит сырые, отяжелевшие листья, Льяной превращается в отдаленный островок. Гужевому транспорту добраться сюда не вмоготу — лошадь выбивается из сил, телега увязает в грязи. Не в меру лихой шофер грузовика сунется — и обязательно застрянет, не доехав километров с десятков. А потом сидит часами в ожидании тягача, который нет-нет да и выползет из поселка на помощь незадачливому гостю. Зато вертолеты, похожие на больших стрекоз, в любое время года частые гости в поселке. По воздуху сподручнее.

Жителей в Льяном — три с половиной тысячи. Невелико и хозяйство поселка: прядильно-ткацкая фабрика имени Тельмана, артель по производству игрушек (на окнах каждого дома видна ее продукция — башенки и пирамидки из разноцветных кубиков), колхозная артель да авторемонтная база — вот и все.

Народ в поселке работающий, дружный, любит песни. В теплые вечера в небольшой рощице, что у самого обрыва, допоздна слышатся негромкие протяжные напевы и переборы гармоней.

Без малого девять лет назад, еще мальчи-

ком, Самсон Коротко пристрастился к музыке. Дед и отец его были искусными гармонистами, и Самсон, переняв по наследству их талант, мастерски исполнял на баяне душевные русские песни, мелодии из кинокартин, старинные бальные танцы.

Когда умер дед, Самсон еще крепче привязался к отцу. И если бы не запои в те годы «папани» — слесаря авторемонтной базы, ничто не поломало бы их дружбу и любовь. Но однажды, в один из пасхальных дней, крепко выпив с друзьями по случаю праздника, Антон Коротко тяжелым гаечным ключом размозжил голову соседу.

Судили его на выездной сессии суда в Доме культуры, где нередко вместе с сыном Антон выступал на вечерах художественной самодеятельности. Судили и приговорили к пятнадцати годам лишения свободы.

Слушая приговор, тринадцатилетний Самсон будто окаменел. А сидевшая рядом с ним мать, худая, болезненная женщина, с впалой грудью, с широко расставленными, по-птичьи круглыми глазами, что-то шептала, облизывая тонкие губы — ни единая слезинка не пробежала по ее лицу.

Мать Самсона, Евдокия, молчаливая, в неизменном по-старушечьи повязанном платке, до этого дня жила неслышно, неприметно,

тенью скользила по дому, иногда целыми неделями не разговаривая ни с мужем, ни с сыном. Вечерами, приготовив ужин и постелив постели, она уходила и подолгу не возвращалась.

— Куда это мамка по вечерам ходит? — как-то спросил у отца тогда еще совсем маленький Самсон.

Отец исподлобья глянул на мальчика, отодвинул недопитый стакан чаю и ответил:

— К Димитрию. Грехи замаливает, твои да мои. Она у нас святая. — Он стукнул костистым кулаком по столу и добавил: — Тебя тоже хотела с малых лет к своему богу на услужение поставить. Я не дал, потому как церковь одно дело, а у них никакого бога...

Отец не договорил, махнул рукой и командовал: — Тащи баян!

Ночью после суда над отцом мальчик долго не спал. Он украдкой наблюдал за матерью, которая словно большая серая птица мелькала по комнате (собирала отцовские вещи), часто припадала на колени и кланялась, касаясь головой половиц.

А на следующий вечер Евдокия повела сына к Димитрию Гречишникову, «слуге господнему», руководителю местных сектантов-пятидесятников. Гречишникова Самсон знал и раньше. Ничего примечательного в этом «слу-

ге божьем» не было. Пожилой человек, худой, высокий, с рыжеватыми волосами и маленькими рябинками на лице, Гречишников нравился мальчику тем, что был приветлив, говорил тихо, ласково, сторонился пьяных. Гречишниковз вдовел. В его большом, аккуратно прибранном доме на правах не то жены, не то работницы жила дальняя родственница, тетя Аглая, как звали ее ребята. Сухонькая, подвижная тетя Аглая повадками напоминала Самсону мать— такая же молчаливая и юркая.

Поднявшись на крыльцо гречишниковского дома, Евдокия одернула на сыне форменку и прошептала, почти касаясь губами уха:

— Святое место. Молиться будем. Из-за отца и ты греховен. Приглядывайся, приучайся. Вся надежда на то, что молод. Даст бог, очистишься от скверны.

Самсон мало что понял из бормотаний матери. До этого он почти никуда с ней не ходил, все с отцом да с отцом, и эта необычная вечерняя прогулка казалась парнишке даже страшноватой. Он попытался выдернуть руку и удрать домой, но длинные шершавые пальцы матери держали цепко, не отпускали.

Дверь открыла Аглая. Мать поклонилась ей в пояс и, не говоря ни слова, прошла в комнату.

Пятидесятники, или, как их называл Гре-

чишников, христиане евангельской веры, собирались у него дома. Крайняя; самая большая комната, тускло освещенная, с голыми стенами, с окнами, наглухо закрытыми ставнями, превращалась в молельню. Наиболее рьяным приверженцам новой веры Димитрий самолично присваивал сан пророка. В общине пророков было двое: Аглая — трехвенчанная и Евдокия Корытко — двухвенчанная. Это значило, что первая трижды удостоивалась венца пророка, вторая — дважды.

Войдя в молельню, мальчик увидел больше десятка мужчин и женщин, стоявших на коленях и выкрикивавших какие-то непонятные слова, издававших странные, нечленораздельные звуки. Возле стола, покрытого белой скатертью, лицом к собравшимся, тоже на коленях, стоял Димитрий. Одна из женщин вдруг поползла к столу, закричала истошным голосом, затряслась, раскинула руки и упала навзничь. И еще громче запричитали, заголосили остальные.

Самсон почувствовал, как сжимаются пальцы матери, державшие его руку. Опускаясь на колени, Евдокия тянула за собой сына.

Гречишников сразу же заметил пришедших. С необычайной для его возраста легкостью он вскочил на ноги и поднял левую руку, призывая к тишине.

— Братья и сестры! — прозвучал его негромкий, но уверенный голос. — Горе постигло нашу двухвенчанную сестру Евдокию. Муж ее, заблудший грешник, убил человека и наказан земным судом. Сатана, вселившийся в Антона Корытко, погрязшего в мирской суете, толкнул его на убийство. Пролилась невинная кровь. Раскаяние не спасло заблудшего. Земные власти не внемлют зову бога нашего — прости и помилуй ближнего своего. — Голос Дмитрия поднялся до крика: — Отрок Самсон Корытко заблуждался и грешил вместе с отцом! Ныне Самсон с нами. Он будет неустанно молиться, очищать душу и тело свое от скверны, в которую был ввергнут с малых лет. Да будет над ним благословение наше!..

Тяжелыми, свинцовыми гирями давили слова Дмитрия. Голова Самсона опускалась все ниже. Мальчик не понимал, почему в отцовском преступлении обвиняют и его, ведь он никогда водки не пил, никого не убивал... Но он сын убийцы — вот в чем его вина. Не смыть, не искупить ему грехов своих, и грядущий страшный суд, о котором говорила мать, а сейчас предупреждает Гречишников, покарает Самсона жестоко и беспощадно.

Весь вечер мальчик, следуя примеру матери, стоял на коленях, отбивал поклоны. Молитв он не знал, только шевелил губами. Ноги

ныли, голова кружилась. К концу моления он как сквозь сон слышал вопли и стоны «братьев и сестер во Христе». Как потом объяснила мать, на молящихся снизошел святой дух, и избранные разговаривали с всевышним на божьем языке.

С этого памятного вечера словно подменили Самсона. Застенчивый, впечатлительный, он и раньше держался в стороне от шумливого, задиристого роя мальчишек-сверстников. Отец да гармонь, с ними главным образом коротал Самсон свой досуг. А сейчас и вовсе стал нелюдимым: избегал встреч и разговоров с товарищами, в ремесленном не задерживался, на предложения сыграть на баяне отвечал коротко:

— Занят я. В другой раз.

А другой раз так и не наступал.

С каждым днем Самсон все больше подпадал под влияние «слуги божьего» Дмитрия и строгой, требовательной матери, ставшими теперь его единственными советчиками и духовными учителями. Сердобольные соседки, жалея Самсона, отваживали ребят, которые нет-нет да и пытались иногда заглянуть к нему, вытащить на сеанс кинопередвижки или на вечер в Дом культуры.

— Куда лезете? — говорили они. — Парень истомился, по отцу скучает. Сынок арестант-

ский. А у вас только гулянки да пляски на уме. Нет того, чтобы посочувствовать...

Ребята уходили сконфуженные, а Самсон снова оставался дома с молящейся матерью, потом шел к «старшему брату» Димитрию Гречишникову и слушал уже ставшие привычными поучения о спасении души и служении господу богу.

Однако не все в Лыняном мирились с переменой, происшедшей в Самсоне. С малых лет, когда еще босоногим мальчишкой с хворостинкой в руке Самсон носился по поселку, верным спутником его игр была девчонка с соседнего двора, Катя Терехина.

— Сомка! Где ты? Сомка! Да Сомка же! — кричала она.

Но Самсон не выходил из дома. И тогда Катя решила сама проведать его, узнать, не захворал ли он. Дверь открыла Евдокия. Девочка метнулась было в прихожую, но «старая карга» загородила вход.

— Нечего тебе здесь делать. Ишь, бесстыжая, пристала к парню, каждый день Сомка да Сомка. Никуда он не пойдет!

Евдокия зло оглядела босую, худенькую девчонку в коротенькой юбочке и добавила с нескрываемым презрением:

— Уйди, голоногая!

И столько злости было в этих словах, что

девочка отшатнулась, словно ее ударили по лицу.

Неделю Катя крепилась, молчала. Лишь в воскресный день взволнованно и сбивчиво рассказала отцу с матерью, что с Сомкой творится что-то непонятное, чудным стал, гулять не выходит, ребят сторонится, от нее как от чумной бегают.

— Оставь его в покое, Катюша, не тревожь. У парня горе, а от горя человек взрослеет. Теперь ваша беготня ему ни к чему. Пусть перегорит в нем...

В словах матери было много справедливо-го. А что скажет отец? Тот, однако, не спешил с советом.

Семен Петрович Терехин, шофер авторемонтной базы, хорошо знал слесаря Антона Корытко, знал его слабости, был в курсе его семейных дел. До Терехина тоже уже дошли слухи, что после осуждения мужа Евдокия Корытко приваживает сына к сектантам. И сейчас, слушая дочь, он начинал понимать, в чем подлинная суть перемен, происшедших в мальчишке, кто повинен в них.

— Не спеши, Таня, — остановил он жену. — От горя человек не только взрослеет, но и к людям тянется, поддержки ищет. Беготня, правда, ни к чему вам. — Он сердито глянул на дочь. — Ишь какие долдоны, и все прятки

да салочки. С Самсоном надо всерьез поговорить, последить за его жизнью, узнать, как у него в училище дела обстоят. Помочь парню. Вот что я скажу!

Однако серьезного разговора с Самсоном у Семена Петровича не получилось. Парнишка от встреч уклонялся. На вопросы, как живет, в чем нуждается, отмалчивался. Как выяснилось, учился Корытко хорошо, уже получил четвертый разряд, дома тоже вел себя тихо и спокойно.

Правда, и в училище начали поговаривать о том, что молодой слесарь как будто стал верующим, но особого значения этому не придали, а мастер так тот даже сказал:

— Религия — дело частное, от государства отделена. Об этом даже в Конституции сказано. Так что вмешиваться в его личную жизнь мы не имеем никакого права.

На том разговор и кончился.

...Шли годы. Зеленели и опадали листья в березовой роще. Тянулись вверх и крепили молодые побеги. Взрослела и мужала молодежь Льяного. Из вихрастой, худенькой девочки Катя Терехина превратилась в стройную кареглазую девушку. Вытянулся, раздался в плечах Самсон. И хоть был он крепок, недурен лицом, обладал большой силой, общее впечат-

ление портили постоянно опущенные глаза, сумрачный вид, тихий голос.

Зато баян Самсона Корытко, после долгого перерыва, с позапрошлой зимы снова зазвучал в поселке. Гречишников так и сказал:

— Играй, Самсон, коли народ просит. Разве мы супротив? Бог есть любовь, вот ты и радуй ближних. Только с толком играй, чтобы музыка в нашу общину новых верующих привела. А ежели платить будут, бери. Оскудела евангельская касса.

И Самсон, слепо веривший Димитрию, к каждому его слову относившийся как к божьему повелению, снова взял в руки баян. Снова вечерами в роще, реже в Доме культуры, зазвучали старинные и новые лирические песни.

...Свеж и прохладен вечерний воздух. Еще не высохшие после дождя трава, листья и стволы деревьев источают терпкие, густые ароматы осени. Внизу, в овраге, стелется светло-серая пелена тумана. Она словно течет куда-то, цепляясь за пни, кусты, за неровную землю. В небе зажглись первые звезды. По большаку, сердито тарахтя, ползет грузовичок, медленно одолевая хлипкую, тяжелую дорогу.

— Значит, завтра в поход, Самсон? Ты как, поездом поедешь или ангелы на крыльях доставят?

Катя стоит на краю обрыва и неотрывно

смотрит вниз, на большак. Ветер теребит подол ее платья, обнажает смуглые, крепкие ноги.

— Все шутишь. — Самсон отвечает медленно, негромко. Он стоит, прислонившись спиной к дереву. Рядом на пне баян.

— Эх ты, Самсоша-святоша, и меня, христову невесту, оставляешь? Скажи, взял бы меня замуж или, может, грешна я для тебя?

Самсон молчит.

— Нет, ты скажи, рад, что уезжаешь? Небось, до смерти надоел гречишниковский рай? — не унимается Катя.

Самсон хмурится, но продолжает молчать. Что он может ответить ей, своей подруге детства, которая стала совсем чужой, не понимает его, все время подшучивает, насмехается... «Самсоша-святоша»! Будто слов других не знает.

— Оставь, Катя, а то уйду...

— Уйдешь? — Девушка резко повернулась, и косы ее, словно две тугие змейки, метнулись в стороны. — Уйдешь? Ну что же, это легче всего. Ты уже один раз ушел, не знаю, навсегда ли?

Катя не смеется. Глаза ее блестят, губы крепко сжаты, на переносице, между бровями, обозначилась глубокая «сердитка».

Опять разговор о том же. Самсон не хочет,

не должен слушать безбожных слов. И ведь не он, а Катя позвала его погулять сегодня, проститься перед отъездом в армию. Завтра он уедет из Лыняного. Три года будет где-то далеко от дома и матери, далеко от Кати, которая все время злобит его, дразнит и с которой все-таки тяжело расставаться.

— Ты мою веру не трогай, — Самсон отвел глаза. — Как отца не стало, я в божьей опоре, утешение нашел, через веру добрых людей встретил.

— Добрых? — Катя усмехнулась и покачала головой. — Христосики тебя от жизни увели, глаза закрыли, вот и все добро, что они тебе сделали. Ты только посмотри, Сомка! — Она назвала его Сомкой, как звала когда-то, и на него сразу повеяло старой дружбой и лаской. — Ты только посмотри, какие дела кругом творятся. Ракеты, спутники, дивчина в космосе летала, скоро на луну взберемся. А ты?

— Что я? — повысил голос Самсон. — Разве я против? Если бы супрогив был, в армию не пошел.

— Да ты понимаешь, что говоришь, святоша несчастный! Как у тебя язык поворачивается! — Кате захотелось ударить этого флегматичного, упрямого парня. Переборов себя, она секунду-другую помолчала, потом

умильно подняв к небу глаза, заговорила тягуче и напевно: — Ты, брат Самсон, в армию идешь не по велению божьему, а по воле земных властей. Смотри, от веры не отрекайся, она главнее всего. Винтовку старайся реже в руки брать, а коли удастся, вообще не прикасайся к ней, проклятой.

До чего же ловко подражала Катя интонациям Гречишникова! Это он позавчера, после моления, долго и терпеливо поучал Корытку, уходящего в Советскую Армию:

— У одного из евангельских братьев наших, — неторопливо говорил Гречишников, — в руках взорвалось ружье, когда он во врага стрелять собрался. А почему? Потому что враг наш только тот, кто от веры далек. Помни это!

Гречишников прикрыл глаза, молитвенно сложил руки и, вздохнув, закончил:

— Придется смириться на время... Как ни противно господу видеть верующего с оружием в руках, однако гнева начальства на себя навлекать не след. Служи, Самсон, справно и сам гляди, что к чему...

Самсону не хотелось продолжать разговор с девушкой. Он поднял баян и молча зашагал к поселку. Нет, не так он думал проститься с Катей. Совсем другие слова надеялся услышать от нее в последний вечер.

СОЛДАТ ТРЕТЬЕЙ РОТЫ

Отбушевали февральские вьюги. Две недели носился в бешеном плясе холодный, хлесткий ветер. Он взвихривал снежную пыль, бросал ее в окна казарм, заставлял биться в железной дрожи кровлю крыш. Лес, вплотную подступавший к военному городку, беспокойно шумел, могучие сосны со скрипом раскачивались во все стороны и сбрасывали со своих высоких шапок тяжелые, слежавшиеся парашюты снега. И все время над лесом, над крышами зданий, казалось, над всей землей, висели серые плотные облака, от которых и днем становилось темно и неприятно.

А в первые дни марта ветер уgomонился, будто устал или умчался куда-то и позабыл вернуться. Сквозь облака пробились к земле яркие, но не жаркие еще лучи солнца, и сразу посветлело, потеплело. Ручейки подтачивали рыхлые сугробы, на дорогах и тропинках поверх скользкой ледяной корки появились лужицы — первые приметы оттепели.

Когда подразделения выходили из казарм на занятия, солдаты щурились от бьющего в глаза солнца и с удовольствием вдыхали свежий, пахнувший весной, смолистый воздух.

Вечерами, в свободные минуты, Самсон Коротко подолгу стоял у окна. Ничего, кроме темноты, не видя, он представлял себе, что находится в родных местах. Стоит только выйти — и сразу попадешь на дорогу, что ведет к старому неогороженному кладбищу, затем свернешь к роще, засыпанной опавшими листьями. А если обойдешь поселок задами, можешь через несколько минут, проскользнув незаметно мимо аккуратного домика Терехиных, оказаться у большого, потемневшего от времени дома Гречишникова.

Мать уже, наверное, стоит в молельне, скорбно поджав губы и вытирая их концом черного заношенного платка. Отец Димитрий недовольно посматривает на дверь — что-то запаздывают христовы братья и сестры.

Теперь Самсона не покидала тревога, его угнетала мысль, что он может навсегда оказаться оторванным от дома, от привычного и знакомого ему мира и как песчинка в пустыне затеряться среди «не своих» людей. К новой обстановке он привыкал с трудом, товарищей сторонился, чувствовал себя лишним, «неприкаянным». Гимнастерка, хотя и подобранная по росту, сидела на нем мешковато, брюки свисали, будто не имели пуговиц, поясная пряжка уползала то вправо, то влево, и все попытки командира отделения старшего сер-

жанта Крюкова и старшины роты Бирюлина придать Корытко воинский вид не достигали цели. «Не солдат, а мешок с трухой», — иногда бурчал себе под нос Бирюлин. А Крюков, подавляя раздражение, терпеливо втолковывал Самсону:

— Подтянитесь, товарищ Корытко, заправьтесь как следует. Ходите прямо, действуйте энергично. Ведь вам не семьдесят лет. Не семьдесят?

— Не семьдесят, — покорно соглашался Корытко.

— Ну так не спите на ходу. Вы мне все отделение назад тянете. Посмотрите на других, хотя бы на своего соседа ефрейтора Горбушина. Разве не молодец?

— Молодец, — равнодушно подтверждал Корытко.

— А вы чем хуже? Давайте, товарищ Корытко, подтянемся, давайте возьмем себя в руки.

Нельзя сказать, чтобы Корытко не понимал, что от него хотят. Нет, он все понимал и со всем соглашался. Больше того, иногда у него появлялось желание подтянуться, стать молодцеватым и бравым не хуже остальных солдат. Но какая-то апатия, владевшая им и до призыва в армию, сковывала по рукам и ногам. К боевой учебе, к полигзанятиям, к

спортивным соревнованиям он относился как сторонний наблюдатель, которого только сила обстоятельств заставила что-то делать, маршировать, ползать, бегать, прыгать — и все с карабином в руках.

Стоя у окна в слабо освещенном коридоре казармы, Коротко перебирал в памяти события последних месяцев.

После карантина он попал в третью роту, к капитану Прядченко — строгому, требовательному офицеру с громким голосом и резкими движениями. В первые же дни Коротко познакомился и с заместителем командира батальона по политической части майором Арсеньевым. Для удобства солдаты называли его коротко: замполит. Это был невысокий светловолосый крепыш со спокойным, ничем не примечательным лицом и внимательным, изучающим взглядом. Разговаривая с людьми, он пристально всматривался в них, стараясь за короткими ответами, выражением глаз, поворотом головы разглядеть внутренний мир человека.

Майора солдаты видели везде — на утренней и вечерней поверках, на занятиях в поле, на стрельбище, на спортивных соревнованиях, в Ленинской комнате и возле коек в казарме. Он был всюду.

Дня через три после прибытия новичков

замполит собрал их в Ленинской комнате и рассказал, что собой представляет полк, в который они пришли служить, как он воевал на фронтах Великой Отечественной войны, каких героев вырастил и чем славен сейчас, в дни мирной боевой учебы. Теперь рота, сказал он, должна стать солдатам родным домом, второй семьей.

Самсон Корытко слушал майора безучастно. Опустив голову, он думал о своем и медленно разглаживал ладонями складки на брюках. Но когда Арсеньев начал называть фамилии лучших солдат батальона и отличников третьей роты, Корытко поднял голову и с удивлением отметил про себя: «Ишь ты, всех знает, будто породнился с ними».

В последующие дни Арсеньев продолжал знакомство с «новобранцами». Дошла очередь и до Самсона Корытко. Посадив его возле себя, майор стал интересоваться самочувствием и житьем-бытьем солдата. Короткие, односложные ответы насторожили Арсеньева.

— Вам здесь не нравится или скучаете по дому? — спросил он.

— Скучаю.

— Это понятно. Я когда первый раз из дому уехал, тоже скучал — по родителям, по сестрам. Даже дворового пса Бульку — и того вспоминал.

Губы солдата чуть дрогнули. У него дома тоже осталась собака, Кудлайка, простая дворняжка с черной в подпалинах шерстью.

А замполит продолжал:

— Вас зовут Самсоном?

— Да.

— Имя знаменитое, библейское. Не знаете, почему родители выбрали вам такое?

«Вот оно, начинается», — подумал Корытко, пожал плечами и неохотно выдавил из себя:

— Не знаю... Так крестили.

— Вот оно что, крестили. Родители набожные, верующие?

— Отец — не особо, мать — верующая.

— Живы родители?

— Да...

— А знаете, товарищ Корытко, по преданию, Самсон был человеком сильным, могучим.

— Знаю.

— Вот и вам надо оправдать свое имя. А то что же получается: Самсон — а на вид парень сонный, вялый. Ведь вы — здоровый, сильный.

Потом замполит порекомендовал пользоваться полковой библиотекой, читать газеты и обращаться к нему, если возникнут какие-либо вопросы или потребуется помощь.

— Желаю успеха в службе и дружбе, — сказал на прощанье Арсеньев. — Да... Когда будете письма писать, пишите обо всем, как живете, как служите.... В общем, что захочется — все выкладывайте. Только военных дел не касайтесь. До свидания!

Шли, бежали дни. Молодые солдаты перестали быть новичками и уже ничем не отличались от остальных — старослужащих. Казалось, что Самсон Коротко тоже слился с солдатской массой. На самом деле нет. Сонная апатия не покидала парня. Самсон ел, пил, двигался, отвечал на вопросы. Но делал все механически, без желания чему-нибудь научиться или отличиться. День и ночь — сутки прочь. Солдатскую науку Самсон постигал туго, в строю сбивался с ноги, на поверку опаздывал, на политзанятиях клевал носом, приказания выполнял медленно, безжизненно. Это злило и старшину Бирюлина, и командира отделения Крюкова, и комвзвода лейтенанта Степина, и даже сам командир роты капитан Прядченко, критически оглядев неуклюжую, мешковатую фигуру Коротко, сердился и повышал голос:

— Рядовой Коротко! Вы в армию пришли служить или в игрушки играть? Заправьтесь как следует. Доложите старшине, что я сделал вам замечание.

К служебным неприятностям, нарядам и замечаниям Самсон относился спокойно, ни разу не огрызнулся, не вступил в пререкания. Взыскания даже радовали его: уж лучше чистить картошку, мыть полы, убирать двор, таскать мешки, чем изображать бравого вояку на строевых занятиях. Правда, на кухне к Самсону приставал и зубоскалил помощник повара рядовой Бессонов — любитель острых шуток, анекдотов, подковырок. Но и с этим приходилось мириться.

Чаще, чем с другими, беседовал с Корытко майор Арсеньев. Его мучило, что не может он разобраться в психологии этого солдата. И так получилось, что Самсон стал привыкать к офицеру, почувствовал к нему доверие, держался с ним куда менее настороженно, чем в первые дни. Однако полностью открыться не решался. Что-то удерживало его от этого шага, хотя совесть жгла, мучила («От бога отрекаюсь? Стыжусь своей веры? Грешник я, грешник!»).

Но очень скоро все разъяснилось. Заместитель командира полка по политчасти подполковник Бережной вызвал к себе Арсеньева и спросил:

- Рядовой Корытко в вашем батальоне?
- Так точно. Самсон Корытко.
- Ну и как?

— Трудный парень, товарищ подполковник. Неясный.

— Может быть, это письмо прояснит? — Бережной протянул ему сложенный вчетверо сиреневый листок почтовой бумаги. — Пишет девушка, комсомолка. Через райвоенкомат узнала адрес. Прочитайте. Любопытно.

Арсеньев начал читать. Вот, значит, в чем дело! А он-то, политработник, никак не мог докопаться до истины.

«Уважаемые товарищи командиры! — писала девушка. — У вас в части служит мой земляк Самсон Корытко. Мы с ним вместе росли, вместе учились, дружили, а потом наши дороги разошлись. Вы спросите — почему? Да потому, что я стала комсомолкой, а Самсон — сектантом-пятидесятником. Есть такая секта в Лыняном. Его мать Евдокия Корытко втянула Самсона в секту. Из нормального, хорошего парнишки сектанты сделали святошу, затянули в яму религии. Сколько я с ним ни говорила — и по-хорошему, и с насмешками (может, я тут виновата), ничего не добилась. Так он и уехал в армию: не человек, а вроде представитель Христа на земле. Попрощавшись с ним, я много думала: неужели Самсон так и не выпутается из дурмана? Думала и решилась вам написать. Не знаю, как он ведет себя, как служит, мы не переписываемся. Но

может быть вы, его командиры и начальники, сможете перевоспитать Самсона. Очень прошу вас, да и все комсомольцы наши просят. Хочется верить, что вы сумеете это сделать.

Извините за беспокойство. Желаю вам и всем воинам Советской Армии больших успехов.

Екатерина Терехина».

— Ну как? — спросил Бережной, которому Арсеньев протянул прочитанное письмо. — Нет, нет, письмо возьмите, оно касается вашего солдата, значит, и вас... Так что скажете?

— Скажу, что чувствую себя виноватым, товарищ подполковник.

— Вот как?

— Не сумел расположить к себе этого солдата настолько, чтобы он доверился мне и все рассказал. А я ведь знал, что мать у него верующая. Но насчет самого Корытко, тем более насчет какой-то секты, даже в голову не приходило.

— Это, пожалуй, наша общая вина, — задумчиво протянул подполковник. — Изучаем людей, интересуемся всем, чем только можно, а о религии и не вспоминаем. Забыли, что она еще жива, или недооцениваем. Что собираетесь делать?

— Хочу вызвать Корытко на откровенный разговор.

— Попробуйте. Да, кстати, оружие вашим новичкам еще не вручали? Из-за этого гриппа я две недели в госпитале провалялся, от жизни поотстал.

— Нет еще. Скоро вручим.

— Не откажется ваш сектант от оружия? У церковников есть такой пунктик. Как бы конфуз не вышел. Полковник у нас человек крутой...

Прошло два дня. Наступил субботний вечер. Только недавно закончился ужин, и солдаты занимались личными делами: кто подшивал подворотничок, кто засел за письма родным и друзьям, кто поспешил в Ленинскую комнату почитать газеты, поиграть в шашки. Коротко, как всегда, ушел в дальний полутемный угол казарменного коридора, где его никто не мог видеть, и беззвучно шевелил губами. Молился. Здесь и нашел его посыльный.

— Коротко! К майору Арсеньеву!

«Что еще от меня нужно?» — неприятно подумал Коротко. С хмурым лицом и тусклым взглядом он вошел в комнату, доложил, как положено, и остановился у дверей.

— Заходите, товарищ Коротко, — сказал замполит. — Садитесь вот сюда, поближе к столу. Вы не курите?

Коротко отрицательно мотнул головой.

— Хорошо делаете. Скажу по секрету, я

тоже недавно бросил курить. Вторую неделю держусь.

— Редко кто выдерживает, — неожиданно для самого себя сказал Корытко. — Курильщики... Они такие...

— Я выдержу, — твердо заявил Арсеньев. — Тут все дело в силе воли. Каждый человек должен уметь управлять собой, своими поступками и привычками... Ваш отец курит?

— Курит.

— И водку пьет?

Напоминание об отце всегда вызывало в Самсоне тревогу и подавленность.

— Пьет, — с трудом выдавил солдат и опустил голову.

— А вы не приучились ни к тому, ни к другому?

После короткой паузы Корытко пробормотал:

— Это богопротивное дело.

Арсеньев промолчал. Он не хотел хвататься за случайно оброненную фразу. Лучше не спешить.

— А у меня для вас есть новость, — почти весело сказал он и, вынув из ящика стола почтовый конверт, помахал им в воздухе. Ваша знакомая девушка, землячка, шлет привет.

— Кто? — выдохнул Корытко. — Какая девушка?

— Сейчас посмотрим... — Арсеньев развернул письмо, взглянул на подпись: — Терехина. Знаете такую?

— Знаю.

Красные круги поплыли перед глазами Корытко. «Катя!.. Что это она надумала? Ведь он не писал ей ни строчки, мать запретила. Но сердце помнило, тосковало, и даже ее короткое имя — Катя! — звучало как музыка, как песнопение. Что же там, в письме? Радость или беда?».

— Так вот, товарищ Корытко, Катя Терехина интересуется, как вы живете, как служите, как думаете дальше жить.

Корытко молча глядел на носки сапог.

— Кажется, хорошая девушка, — продолжал Арсеньев. — Вы ей пишете?

— Нет... Не пишу.

— Почему?

Что мог Корытко сказать офицеру? Катя... Мать... Пресвитер... Община... Для того чтобы объяснить, надо поговорить по-настоящему, душу наизнанку вывернуть. Вправе ли он делать это?

— Что же вы молчите, товарищ Корытко? — напомнил Арсеньев.

— Разные мы с ней... С Катей...

— Об этом и она пишет и сожалеет. Она — комсомолка, вы — верующий, сектант.

Майор Арсеньев вышел из-за стола, поставил свой стул рядом со стулом Корытко и, положив руку на его плечо, мягко предложил:

— Выкладывай, друг, все, что на сердце лежит. Поговорим по-товарищески. Ведь нам с тобой еще не один день вместе жить. Неужели ты мне не доверяешь?

Корытко поднял голову и увидел в глазах замполита добрую улыбку и участие.

— Доверяю, товарищ майор.

— Меня, кстати, зовут Андреем Алексеевичем. Я слушаю, Самсон. Нам никто не помешает.

— А чего говорить, разные мы...

— Разные, это точно, — подтвердил майор. — Но раз молчишь — значит, своей веры стесняешься. Какой же ты воитель за веру? Выкладывай все, на чистоту.

И Самсон не выдержал. Говорил он взволнованно, лихорадочно блестя глазами, то повышая голос, то переходя на шепот. Арсеньев узнал печальную историю отца, со стороны смог взглянуть на строгую замкнутую Евдокию и, наконец, услышал от солдата самое главное — он верит в бога давно, состоит в секте пятидесятников, службу в армии считает временным и трудным испытанием, ниспосланным свыше, никакого интереса и охоты к военному делу у него нет.

— Вот я весь теперь, как на духу! — закончил Самсон и устало вздохнул.

Беседа, похожая на исповедь.

Теперь Арсеньев понял, почему этот в общем неглупый парень так не похож на других солдат, почему в нем нет жизни, энергии, интереса к военной службе. Раз он с детства приучен искать забвение и радость только в служении выдуманному богу, мечтать о блаженстве на том свете, земная жизнь, земные дела, естественно, его не очень трогают. Вот в чем причина сонливости, апатии и нерасторопности.

Чутье коммуниста, политработника подсказывало Арсеньеву, что действовать нужно очень осторожно, тактично, что за этого парня, только вступающего в жизнь, нужно и стоит бороться.

И к удивлению Корытко, замполит, внимательно слушавший его, не стал с ходу разубеждать, доказывать, что бога нет, что все это сказки, чепуха, в общем, не стал «агитировать». Наоборот, он проявил даже интерес к религиозным делам, попросил рассказать, что собой представляет община пятидесятников, какие обряды выполняет, чему учит, чего требует.

Ободренный вниманием, Корытко стал, правда не очень связно, рассказывать, как

члены секты собираются в молельном доме, слушают проповеди старшего брата Димитрия, как молятся, поют, а некоторые, когда на них снисходит дух святой, впадают в «божью дрожь» и начинают пророчествовать на «иностранных» языках. Таких людей особенно ценят в общине.

Арсеньев слушал рассказ Корытко, с трудом скрывая изумление. Впервые в своей жизни, а ему уже за тридцать, он практически столкнулся с тем, что рядом с миллионами обыкновенных, нормальных советских людей живут какие-то религиозные фанатики, черные тени прошлого. Прошлого! Но Корытко, молодой безусый парень, родившийся в советское время, уж никак не тень, не осколок прошлого. А вот и его втянули в секту, затуманили мозг, испоганили душу. И сколько таких, как Корытко, попадают в сети всяких вербовщиков с елейными голосами, пастырей с заумными речами, «пророков» — представителей несуществующего бога!

— Вы во все это верите? — спросил Арсеньев. — В бога, в загробную жизнь?

— Верую! — вырвалось у Корытко, и офицер с горечью покачал головой.

— Ну что ж, — проговорил он. — Разубеждать не буду. Надеюсь, мы с вами на божественные темы говорим не последний раз,

— Нет, — тихо откликнулся солдат.

— Гм... Но если вы такой верующий, то в вас должна быть сила, чтобы убедить в своей правоте других. Так сказать, обратить в свою веру. Но Катя Терехина осталась безбожницей?

— Да... На то воля божья.

— А меня, к примеру, вы не могли бы убедить?

Корытко испуганно взглянул на командира и сразу же опустил глаза. Что это — подвох или вправду интересуется?

— Что вы, товарищ майор, разве можно?

— А почему нельзя? Я — неверующий, безбожник, или, как у нас говорят, атеист. Вы — верующий, обладаете силой божьей. Вот и попытайтесь наставить меня на путь истинный. А я буду с вами спорить, доказывать свое. В споре рождается истина.

Корытко растерянно пожал плечами, не находя слов для ответа.

— Что же касается ваших товарищей по роте, — продолжал Арсеньев, — то на них свою силу не испытывайте. Армия не место для таких дел. К тому же, как бы вам не нарваться на неприятности. Еще засмеют, пожалуй.

Арсеньев взглянул на часы. Скоро отбой.

— Пора кончать. Но у меня остался еще один вопрос. Ответьте честно, откровенно. Обещаете?

— Обещаю.

— Ваши руководители не учили вас отказываться от оружия, от присяги?

Корытко замялся, и Арсеньев понял, что попал в цель.

— Значит, было такое?

— Было, товарищ майор. Однако пресвитер перед отъездом велел не гневать начальство.

— Вот и хорошо. Скоро получите оружие, примете присягу и постарайтесь служить так, чтобы на вас не жаловались. Страхните с себя эту сонливость.

Арсеньев сжал Корытко руку и в ответ ощутил слабое, вялое пожатие.

Самсон долго еще стоял у окна и глядел в сгустившуюся темноту.

Над крышами казармы бился и метался беспокойный ветер, глухо гудел невидимый в темноте лес, а Корытко все стоял у окна и думал, думал... Лишь когда прозвучал сигнал отбоя, повернулся и медленно пошел укладываться спать,

ПУТИ НЕИСПОВЕДИМЫЕ

В анкете кладовщика артели по производству игрушек Дмитрия Семеновича Гречишникова в графе «Социальное происхождение» значилось: «Из крестьян-бедняков». Кто знает, может быть, в момент заполнения этой графы рдели стыдливым румянцем щеки «слуги божьего», но рука твердо выводила именно эти, а не другие слова. Дело в том, что отец Дмитрия Семен Гречишников бедняком никогда не был. На черноземной Курской земле семья Гречишниковых слыла не только одной из самых богатых, но и самой прижимистой.

— У Гречихи служить — слезы лить да тужить, — не раз говаривали батраки.

И не дома, в кругу плачущих родственников застала смерть Семена Гречишникова. Одно-го из главарей кулацкой банды, порубившей немало сельских коммунистов и комсомольцев. Его настигла комсомольская пуля в деревне Безобразово.

Так обстояло дело с социальным происхождением.

В армии Дмитрий Гречишников не служил из-за плоскостопия. Однако в 1942 году он исправно выполнял обязанности полицая

при немецких оккупантах. Жена Дмитрия Семеновича, дочь священника, родом была из Льяного. Когда на полях Родины еще бушевала война, Гречишниковы, благополучно избежавшие партизанской кары, под видом беженцев переезжали из района в район и, наконец, осели в Льяном.

Здесь Гречишников поступил работать кладовщиком в артель игрушек и повел жизнь тихую и малоприметную. Надо сказать, что человек он был любознательный и в часы досуга долго сидел над книгами из библиотеки умершего тестя, главным образом его интересовали сочинения духовных пастырей и «священные писания».

Когда и по какому поводу Дмитрий Семенович услышал божье повеление создать в Льяном секту пятидесятников, неизвестно. То ли ему по сердцу пришлась евангельская легенда о том, что в день пятидесятый после воскресения Христа на апостолов сошел дух святой и они обрели способность пророчествовать на неведомых языках, то ли, и это вернее, наблюдательный и неглупый Гречишников, к тому времени уже вдовый, учуял, что в сердца некоторых из его сограждан, истомленных войной и пережитыми бедами, можно не без успеха забросить семена новой веры с ее мрачными богослужениями, кликушеством и религиозной

истерией. Как бы то ни было, но очень скоро к скромной зарплате кладовщика артели начали прибавляться немалые взносы пятидесятников. Эти взносы новоявленные сектанты аккуратно оставляли во время сборищ под белой скатертью на столе в молитвенном доме.

У начальника райотдела милиции старшего лейтенанта Барсукова был трудный характер. Он верил в исключительность своей работы и отводил помощникам из общественности весьма скромную роль — блюсти порядок на вечерах в Доме культуры и танцевальных площадках. Об остальном, по мнению Барсукова, должны были заботиться люди в милицейской форме, облеченные доверием, властью и оружием.

Но жизнь исправляла принципы старшего лейтенанта. Все чаще он вынужден был прибегать к помощи рабочих, колхозников, комсомольцев и даже пионеров. Так обстояло дело и на этот раз.

Два дня назад в поселковую больницу поступил с признаками тяжелого отравления колхозник Никита Абросимов. Спасти его не удалось. В полученной старшим лейтенантом больничной справке значилось, что Никита Абросимов отравился этиловым спиртом с двадцатипроцентным раствором смолы. О самоубийстве не могло быть и речи. Но каким

образом у колхозника оказался яд? И что это за двадцатипроцентный раствор смолы? Начальник райотдела не знал. Надо было обращаться за консультацией. И тут неожиданно группа комсомольцев во главе с Катей Терехиной пожаловала в милицию.

— Вам известно, товарищ старший лейтенант, — еще стоя на пороге кабинета, заговорила Катя, — что случай с Абросимовым не первый? Неделью назад с трудом отходили колхозника Сидоркина. Он тоже отравился политурой.

— Так то ж политурой, — возразил Барсуков.

— Между прочим, — с едва заметной иронией пояснил высокий, стройный юноша, комсомольский секретарь с прядильно-ткацкой фабрики, — раствор смолы в этиловом спирте и есть политура. Хмелеют от нее враз, крепче водки берет, а в столярном деле ее употребляют для полировки деревянных поверхностей. Вот так!

Оглядев стоявших перед ним комсомольцев, старший лейтенант подошел к двери кабинета, плотнее прикрыл ее и предложил:

— Присаживайтесь. Выкладывайте, с чем пришли.

В этот вечер Барсуков долго не уходил с работы. Оставшись один, он снова и снова об-

думывал план операции, предложенный комсомольцами с ткацкой фабрики.

На склад артели игрушек только что завезли очередной запас сырья. А через день, в разгар воскресного базара, на центральной площади Льяного сухонькая малоприметная женщина в низко повязанном шерстяном платке продала из-под полы за «божескую» цену бутылочку «домашней настойки». Продала двум подвыпившим, шумливым парням. Парни, уплатив деньги, тут же на глазах у всех протрезвели, а через полчаса пойманная с поличным трехвенчанная пророчица Аглая, охая и всхлипывая, давала первые показания старшему лейтенанту милиции.

Как и следовало ожидать, «настойкой» оказалась политура. Однако склонный к научным формулировкам начальник райотдела в протоколе записал: «Отобраны две поллитровые бутылки с раствором смолы на этиловом спирте, являющимся крепким алкогольным напитком. По справке экспертизы и показаниям задержанной хозяйственное назначение раствора — полировка деревянных изделий...».

Гречишников спал, когда постучали ранние гости. В воскресные дни Димитрий Семенович вставал поздно. Субботние моления затягивались за полночь и чрезмерно утомляли плоть и дух пресвитера. Да и здоровье его сдало.

Сказались беспокойная жизнь, постоянная тревога — как бы не дознались о его службе в немецкой полиции, заботы, связанные с высоким званием духовного отца и наставника, «говорения» и, наконец, окаянная похоть, толкавшая его, слугу божьего, на рискованные амуры с молодыми сектантками, что являлось недостойным сана и вредным для здоровья.

— Чертовка беспамятная, опять ключ за была! — Спросонья Гречишников никак не находил туфли. Он был уверен, что стучит Аглая, и не торопился. Босиком подошел к двери, не спросив, кто там, повернул в замке ключ и распахнул дверь.

Солнечный луч погожего зимнего утра ворвался в дом, заиграл в углах, на потолке пустого темного коридора. Гречишников даже зажмурился от яркого света, а когда открыл глаза, «гости» уже оказались в коридоре: старший лейтенант милиции Барсуков, с ним старшина и двое понятых — жильцы соседнего дома.

— Кто такие? По какому делу? — только и мог спросить побледневший Димитрий.

Спустя два часа «гости» уходили вместе с хозяином. Они уносили с собой в качестве вещественного доказательства шесть бутылок с политурой, которые были спрятаны в белье, в углу молельной комнаты.

Перед уходом «святой отец» неожиданно затрясся, упал на колени и, воздев руки, стал выкрикивать непонятные слова. Однако «гости» оказались людьми бывалыми. Они терпеливо дождались конца «небесного разговора», а когда Гречишников малоешь притомился и сник, старший лейтенант поднялся со стула и скомандовал:

— Пошли!

Спустя две недели районная газета «Свет коммунизма» напечатала большую статью. Примечательна была ее концовка: «...Гречишников не один. Еще во многих уголках нашей страны окопались ловкие обманщики, в корыстных целях, под видом служения богу, дурманящие головы отсталым людям. Нашим районным партийной и комсомольской организациям следует сделать выводы из случившегося, понять, к чему приводит благодушие и пренебрежение к важнейшему участку идеологического фронта — атеистической пропаганде».

Газета доводила до сведения читателей, что в связи с многочисленными просьбами трудящихся дело Гречишникова будет слушаться на выездной сессии суда в Доме культуры поселка Льяной.

ГОРЕ—СТРЕЛОК

Третью роту повели на стрельбище. Было раннее апрельское утро. Весна! О ней напоминали звонкая капель, быстро бегущие ручьи в придорожных канавах, освободившиеся от снега, будто выпрямившиеся и потянувшиеся к солнцу деревья, влажная, но уже подсыхающая земля.

Самсон чувствовал, как теплый воздух наполняет до краев легкие, как солнечные лучи ласкают порозовевшие щеки, забираются под шинель и гимнастерку, видел оживающие после зимы, будто дымящиеся просторы. Все успокаивало, радовало, и только мысль о том, что сейчас придется заниматься непривычным и неудобным богу делом — стрелять из карабина, — омрачала приподнятое, праздничное настроение.

Шагая в строю, Самсон вспоминал, как вчера вечером Горбушин — единственный из всей роты, с кем он стал постепенно сближаться, — обычно занятый множеством комсомольских дел, долго и неторопливо беседовал с ним. Как ни странно, разговор начался с девушек. Оказывается, у Кирилла есть подруга. Она ждет его возвращения и часто пишет ему. Об их переписке знают многие.

— Зачем ты всем рассказываешь? Стыдно, поди? — укорил Самсон.

— Почему? Разве можно стыдиться любви? А я люблю!

— И она ждет тебя?

— Ждет. В каждом письме об этом напоминает.

— Ну, значит, ты удачливый, счастливый... — Корытко тяжело вздохнул.

— А тебя никто не ждет? — поинтересовался Горбушин.

— Нет... Никто.

— Почему?

Откровенность — за откровенность. Самсон рассказал Горбушину о Кате и посетовал, что надеяться ему не на что. Катя горазда насмешничать, попрекать за служение богу, а чувств к нему у нее, конечно, нет никаких. А если бы и были, эту комсомольскую заводилу никогда в секту не затащишь, и веру Христову она не примет.

— У нас строго, — говорил Самсон. — Если полюбил какую, открыться ей нельзя, грешно. Иди к пресвитеру, расскажи ему все, проси разрешения. Верующую пресвитер позовет, поучит уму-разуму, а потом благословит—живите, мол, в браке и блюдите себя и веру божью.

— А если девушка не захочет выходить замуж?

— Она не посмеет перечить. Раз мужчина выбрал, пресвитер благословил — все!

— Нда-а, — удивленно протянул Горбушин. — Порядочки, нечего сказать. Ну, а если ты — верующий, а она — нет? Что тогда?

— В том-то и заковыка. Перво-наперво пресвитер потребует, чтобы верующий постарался наставить эту деваху на наш путь, втянуть в общину.

— А если она и слышать об этом не захочет? Ей, может, нужна живая жизнь, и скажет она тебе: «Выбирай, милый, меня или своего бога».

— Что ж тут выбирать? Община не позволит жениться на неверующей.

Горбушин слегка присвистнул и спросил:

— И ты с этим смиришься? Любовь — побоку, чувства — к черту, лишь бы, как его, пресвитер был доволен?

Корытко промолчал. Где-то в глубине сознания шевельнулся червячок сомнения: правильно ли, что община вмешивается в земную любовь? Если бы, например, Катя полюбила его, Самсона, согласилась выйти за него замуж, как бы он поступил? Нашел бы в себе силы отказаться от Кати только из-за того, что она неверующая?

Беседа молодых солдат была долгой, задушевной, и Корытко с теплым чувством вспоминал о ней. Хотя Кирилл комсомолец, даже в секретари выбран и в бога, конечно, не верит, все же не чурается верующего Корытко, не раз предлагал ему свою помощь в солдатской службе. Что и говорить, хороший парень, вот такого привести бы ко Христу.

Выбрасывая правую ногу, стараясь не выбиться из общего строя, Самсон повторял строки из молитвенного гимна и под эти слова шел, как ходят под звуки марша или под строевую песню, хотя слова, которые он раздельно и четко говорил про себя, были сейчас до смешного неподходящими.

Размышления солдата были прерваны зычной командой: «Запевай!» И через минуту ротный запедала Сергейчук высоким и сильным голосом начал любимую в третьей роте песню:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Подхваченная десятками голосов, песня взлетела над колонной и пошла — бодрая и звонкая — греметь и свистеть, разгоняя тишину и распугивая птиц, щебетавших на деревьях и тонких струнах телеграфных проводов.

Сначала Корытко шагал молча, как бы

прислушиваясь к песне со стороны. Но душа баяниста не выдержала: забыв на время божественные дела и думы, он негромко подтянул:

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...

Песня отзвучала и оборвалась у самого учебного поля. Оно лежало перед глазами солдат большое, широкое, окруженное со всех сторон лесом. Третью роту подвели к стрельбищу и дали десять минут «на перекур». Курильщики сразу же задымили папиросами и самокрутками, а некурящий Корытко отошел в сторону и стал молча глядеть на лес — густой и темный.

Кирилл Горбушин подошел и стал рядом.

— Ты как, к стрельбе готов? — спросил он.

Корытко сделал скупающее лицо и безразлично пожал плечами.

— А что готовиться?

— Как так? Да ты знаешь хоть, какое упражнение выполнять будешь?

— Не все ли равно?

— Конечно, не все равно! Тут дело такое... Ответственное. И надо, чтобы ты, Самсон, не подкачал.

Горбушин нервничал: на стрельбы этому долдону явно наплевать, ясно, что стрелять

будет без старания. А как его настроить, как подготовить за эти последние несколько минут?

— Да расшевелись ты, сонная тетеря! — рассердился Горбушин. — Как друга прошу! Не позорься перед всей ротой. Ведь у нас соревнование.

— Что ты от меня хочешь, Кирилл?

Вопрос прозвучал почти вызывающе.

— Хочу, чтобы ты постарался. Чтобы не хуже других отстрелял.

— А тебе-то корысть какая?

Горбушин оторопел.

— Корысть? — воскликнул он возмущенно. — И слова-то у тебя черт знает какие! При чем тут корысть? По-дружески хочу помочь тебе, посоветовать.

Корытко поджал губы и вздохнул.

— Ты же знаешь, Кирилл, мне это ни к чему. Попаду, не попаду — все едино. Ведь не по охоте стрелять буду, а по нужде. И ваше соревнование меня не касается.

Кирилл готов был схватить Самсона за грудки, вытрясти из него, чертяки, всю дурь. Или плюнуть и махнуть рукой? Он сдержался и спокойно проговорил:

— А я-то думал, что ты все-таки человек. Надеялся, растолковать собрался...

Самсону не хотелось обижать или злить

Горбушина. После секундного молчания он примирительно пробубнил:

— Растолковывай, коли охота. Хотя старший сержант уже сколько раз объяснял.

— А что ты запомнил? Ну, например, какая у тебя цель будет, с какой дистанции стрелять, какое время дается?

Горбушин взглянул на ручные часы. Вот-вот закончится перерыв. Не ожидая ответа, он быстро заговорил:

— Стрелять будешь с дистанции в сто метров. Понял? Цель—мишень номер четыре, то есть грудная фигура с двумя кругами на щите. Положение — лежа, с упора. Патронов — три. Целься внимательно, следи за дыханием, за спусковой крючок не дергай. Помнишь?

— Помню.

— Ну так постарайся. Время неограниченное, можешь не спешить. Если все три пули попадут в мишень—получишь оценку отлично. Даже если хоть одной пулей попадешь — и то засчитают удовлетворительно. Постарайся, не ужели в тебе никакого сознания нет?

— Ладно, Кирилл, ты моего сознания не трогай. Три пули, две пули... Пойдем, уже зовут.

На огневом рубеже Самсону досталось крайнее место слева. Подали команду. Солдаты легли на землю и положили карабины на

мешочки с песком, служащие упором. А Коротко все топтался на месте. Он чувствовал, что на него устремлены взгляды солдат и офицеров, ждал, что сейчас лейтенант Степин сердито крикнет: «Рядовой Коротко!», а Горбушин и Арсеньев осуждающе покачают головами. Эх, господи благослови! Решившись, Самсон плюхнулся на землю, широко разбросив ноги (как хорошо, вкусно пахнет земля!), и положил карабин на упор.

К Самсону подошел Крюков и, наклонившись, указал прицел и точку прицеливания.

— Понял? — тихо спросил он.

— Понял, — ответил Коротко, хотя плохо соображал, о чем говорил командир.

Прозвучала команда лейтенанта Степина. Она глухо донеслась до Самсона, но он понял, что пришла пора стрелять. В эти считанные секунды все, чему его учили на стрелковых занятиях, выскочило из головы. Небольшая фигура на фанерном щите, казалось, наклоняется вверх, вниз, передвигается в стороны, а два круга, как два выпуклых глаза, щурятся и насмешливо подмигивают.

Коротко с силой сжал веки и судорожно дернул за спусковой крючок. Выстрел оглушил Самсона, голова наполнилась грохотом, звоном, слабо прижатый карабин больно ударил в плечо. С лихорадочной поспешностью, все

так же, не раскрывая глаз, Самсон еще дважды лязгнул затвором и выстрелил. И лишь после этого взглянул на мишень. Пришла тревожная мысль: не попал.

Так оно и получилось. Ни одна пуля, выпущенная Корытко, в цель не попала. Крюков безнадежно махнул рукой, а Степин, покраснев от раздражения, сломал в пальцах карандаш и почти бегом бросился к капитану Прядченко.

Кто-то тронул Корытко за рукав шинели. Обернувшись, он увидел расстроенное лицо Горбушина.

— Ну, что же ты? — как можно спокойнее сказал Кирилл. — Всю роту подвел. Ни одной пулей не попал. Бабахнул три раза без передыха, будто и не целился.

— А я и не целился, — равнодушно проговорил Корытко.

— Как? — чуть не закричал Горбушин. — Почему?

— Тише, не шуми.

— Да как же так? — не мог успокоиться Горбушин. — Почему не целился? Ты знаешь, как это называется? Ты... Ты... — Ох, как хотелось Кириллу ткнуть кулаком в постную физиономию Корытко.

— Я ж тебе говорил, мне это ни к чему. Убивать никого не собираюсь.

— Ну, знаешь... — только и нашелся что сказать Горбушин и, круто повернувшись, быстро зашагал к стоявшим поодаль капитану Прядченко, майору Арсеньеву и лейтенанту Степину. Взмолвленный, с потемневшим от гнева лицом, он остановился перед офицерами.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться к лейтенанту Степину.

И он доложил о поступке рядового Коротко.

— Вот оно что! — Прядченко повернулся к Арсеньеву. — Возмемся с ним, бьемся, а он свинья свиньей.

Арсеньев тоже был огорчен и рассержен. Но он почувствовал в чем-то себя виноватым и, покачав головой, ответил:

— Значит, еще придется с ним поюзаться.

— Сколько можно? — быстро заговорил Степин. — Сил не хватает. Заберите вы его от меня... К богу в рай...

— Это был бы для Коротко самый лучший выход, — попытался пошутить Арсеньев. — К богу в рай!.. Нет уж, давайте на земле, в вашем взводе его переделаем.

Капитан Прядченко сердито хмыкнул и приказал Горбушину:

— Позовите его сюда!

Через минуту Коротко стоял перед офицерами, выслушивал резкие слова капитана и

осторожно косил глаза на Арсеньева. Но тот даже не смотрел на него.

— Рядовой Корытко! Я вас спрашиваю: то, о чем доложил младший сержант Горбушин, правда?

— Правда, — тихо выдавил Корытко. Его захлестывала обида. Вот, поделился с Кириллом, а тот сразу — к начальству.

— Безобразие! — не сдержался Степин. — Но я найду средство, чтобы заставить вас... Я не посмотрю на всякие ваши...

Арсеньев тактично кашлянул, и Степин, оборвав гневную тираду, приказал:

— Три наряда вне очереди. Доложите по команде. Кругом!

Спустя несколько минут, подойдя к Горбушину, Корытко, сбычившись, зло сказал:

— Ябедник ты! Предатель!

— Дурак! — резко оборвал Горбушин. — По дружбе и доложил.

— Хороша дружба — товарищу свинью подкладывать.

— Вот ты, действительно, свинью подложил, и не только себе, а всем нам, всему взводу, всей роте. Ишь, какой умник, стрелял не целясь! Какая от этого твоему богу польза?

— А какая роте польза, если б я целился?

— Роте — значит армии, народу, советской власти! — повысил голос Горбушин. —

И если хочешь знать мое мнение — тебе-то и недалеко до предателя.

— Мне?.. Я?..

— Гранатометчики! — раздался зычный голос лейтенанта Степина, и Горбушин, махнув рукой, побежал к огневому рубежу.

КЛЕВЕТА

Суд над Гречишниковым до конца раскрыл этого человека — лживого, лицемерного и похотливого.

Неделю-другую в поселке поговорили о «святом отце», посмеялись, встречая на улицах знакомых сектантов, «духовным пастырем» которых был не «божий, а сукин сын» Димитрий, и стали забывать. Русский человек не злопамятен. Новые дела и заботы заслонили «гречишниковскую историю».

Однако нашлись люди, затаившие лютую ненависть к разоблачителям, искавшие способ отомстить за поруганное «святое» имя общины и ее пресвитера.

Словно осы, роились они в доме у Евдокии Корытко, двухвенчанной пророчицы, оставшейся за старшую после ареста Гречишникова и Аглаи.

Каждый вечер, когда на поселок опуска-

лись сумерки, тенями скользили пятидесятники к дому Евдокии. Здесь они засиживались допоздна, чередуя исступленные молитвы с проклятиями в адрес еретиков и «шпионов».

Чаще других доставалось Екатерине Терехиной.

Еще бы! Ведь это она возглавила комсомольский поход против руководителей секты. Выступление Кати на районном активе полностью опубликовали в газете «Свет коммунизма», и в глазах разъяренных сектантов комсомолка Терехина ныне числилась божьим врагом и богохульницей за номером первым.

— Вертихвостка, распутница, — зло шипела Евдокия. — Самсошу моего окрутить хотела. Без стыда и совести к нему лезла. Только ни к чему она сыну, потому как вера наша ему всего дороже. — Старуха умильно закатывала глаза. — А перед отъездом в армию просто убер Самсон от Катьки, до того пристала. Теперь, бесстыжая, Геньку Хижнякова охаживает. Распутница! А отец с матерью скрозь пальцы на разврат смотрят...

Мысль опорочить девушку, попытаться доказать, что отвергнутая Самсоном Катя по злобе охаяла его, общину, отца Димитрия, пришла поначалу не Евдокии. Шепотком подсказал эту мысль Сашка Вишнев, закадычный друг Димитрия Гречишникова, не столько

сподвижник его по святой вере, сколько соратник по земным развлечениям.

Евдокия Корытко с радостью ухватилась за «дружеский совет». К тому же старуха давно не влюбила Катю, в которой видела бесовское наваждение, врага, могущего одолеть ее, Евдокию, в борьбе за Самсона.

И пополз по Лыняному слухок о Кате. Будто невзначай роняла одна, подхватывала вторая, расцвечивала третья... Клевета застучалась в каждый дом, в каждое окно.

А Катя по-прежнему смело и уверенно шла по жизни. После окончания десятилетки она поступила работать на ткацкую фабрику и в том же году начала учиться на заочном отделении Текстильного института.

Став «фабричной», девушка с головой ушла в комсомольскую работу. Прямая и откровенная, Катя пользовалась уважением и любовью многих, а кое-кто из ребят ее просто побаивался: отбреет так, что и своих не узнаешь.

Молодой рабочий, пришедший под хмельком на фабрику или в Дом культуры, хулиганствующий паренек — участник неожиданной заварухи на улице, модничающая, легкомысленная работница — в общем все, кто, по мнению Кати, сбивался с пути, отставал от жизни или путался под ногами, видели в ней

непримиримого противника, взыскательного комсомольского судью.

— Ты помягче, Катюша. Нельзя так: раз-два — и готово. Это же молодежь. К ней подход нужен, — нередко останавливал ее секретарь комсомольского комитета фабрики, электромонтер Геннадий Хижняков. Но девушка, зло поблескивая глазами, резко возражала:

— Что же нянчиться с ними? Сегодня он выпивши на работу пришел, завтра в пьянке человека зарежет. У нас уже был такой случай. А Зинка Кукушкина вот уж действительно кукушка. Из вечерней школы ушла, собраний не посещает, в кружках не занимается. Если ее не потрясешь, она с утра до ночи крутится будет, фифа несчастная.

Комсомольскому секретарю с каждым днем все труднее было спорить с Катей и не потому, что она убеждала его. Нет, Геннадий был уверен в справедливости своих советов. Согласиться с Катиной манерой перевоспитания он не мог. Дело заключалось в другом. Секретарь любил Катю. Когда родилось это чувство, он и сам не мог бы сказать, но, возникнув, оно вначале даже испугало его.

Меньше года назад пришла на фабрику стройная кареглазая девушка, вчерашняя десятиклассница Катя Терехина. К этому времени Геннадий уже окончил ремесленное учи-

лище, отслужил в армии, получил сержантское звание и вернулся в родной поселок.

Их знакомство очень скоро перешло в дружбу, а потом... потом самостоятельный, самолюбивый Геннадий Хижняков почувствовал, что он и дня не может прожить, чтобы не повидаться и не поговорить с Катей Терехиной. Много общего было в их характерах, во взглядах, но, пожалуй, главное, что их сближало, это горячая, страстная непримиримость ко всему, что было чужим, наносным, ненастоящим.

Однажды вечером, когда они возвращались из Дома культуры, Геннадий неожиданно взял руку девушки и крепко сжал в своей ладони. Катя не отняла руки. Решительная и смелая, она почувствовала сейчас, как замерло сердце, а потом сразу забилось сильно-сильно.

Сколько раз до этой минуты Катя ловила себя на том, что внимательно, но незаметно наблюдает за Хижняковым. Вот он меняет электропроводку в цехе или осматривает за-капризничавший мотор. Вот он выступает на собрании. И она любит его точными, уверенными движениями, ладной, по-воински подтянутой фигурой, открытым, приветливым лицом с улыбочивыми серыми глазами.

Кате нравилось, как говорит Геннадий, нравилась его привычка слушать других, слег-

ка наклонив голову, и порывистым широким взмахом руки убирать волосы, спадающие на высокий лоб. Нравилось все в этом умном и скромном парне. И сейчас, когда ее маленькая рука покорно лежала в его руке, Катя вдруг неожиданно для себя прижалась к плечу Геннадия и прошептала, чуть шевеля губами:

— Геня... Родной!..

Мягкий, теплый ветер шевелил волосы, осежал вспыхнувшие лица; узкий серп месяца, изогнувшись, отвешивал поклоны влюбленным, а они стояли обнявшись посреди улицы и бесвязно говорили: о любви, о жизни, о будущем... И каждый произносил слова, которые потом почти никогда не удастся вспомнить.

Путь до дома Кати занял очень много времени, а им показался коротким.

— Иди, Геня! — шепнула Катя, а сама прижалась к нему еще крепче и закрыла глаза.

Но что это? Руки юноши, до этого крепко обнимавшие девушку, внезапно ослабли. Катя открыла глаза и с удивлением увидела, что Геннадий через ее плечо смотрит на что-то внимательно, не отрываясь.

Следуя его взгляду, Катя повернула голову. Ворота ее маленького, одноэтажного дома с белыми стенами и розовой черепичной крышей были измазаны чем-то черным, тускло поблескивающим при свете месяца. Рядом

виднелась меловая, наспех сделанная надпись с буквами вкривь и вкось: «Катя Терехина...» и несколько бранных, оскорбительных слов.

В одно мгновение Катя оказалась возле ворот. Она провела пальцем по черной краске и недоуменно спросила подошедшего Хижнякова:

— Деготь? — Брови девушки нахмурились, в глазах появились злые огоньки. — Я знаю, это ребята с Васильевской. Злятся, что взялась за них. Понимаешь, Геня, от учебы отбились, все голуби на уме. Я с заводилами крепко поговорила. Ладно, теперь увещевать не буду, в школу пойду!

Геннадий ответил не сразу. Помолчав, он сдержанно возразил:

— Ты опять горячишься. А по-моему, это сделали не ребята.

— Кто же?

— Не знаю.

— Ты с ума сошел! — Вскочив на камень, лежавший возле ворот, Катя торопливо начала стирать скомканным носовым платком бранные слова, выведенные кем-то тайком, под покровом ночи. — Ты с ума сошел! Неужели серьезный, взрослый человек сделает такую гадость!

— Я уверен в этом. — Голос Геннадия звучал спокойно и твердо. Он осторожно обнял

Катю и снял ее с камня. Потом так же, как и она, провел пальцем по выкрашенным воротам и повторил:

— Деготь! А ты знаешь, с какой целью в старые времена мазали дегтем ворота дома, в котором жила девушка?

— Не знаю, — растерялась Катя.

— То-то и оно, что не знаешь. И ребята с Васильевской тоже не знают. Потому что это старый, дикий обычай.

— Обычай? — повторила Катя. — Геня, я действительно ничего не понимаю...

— Не понимаешь, а выводы уже сделала и даже виновных нашла, — не утерпел Геннадий. Глаза его потеплели. Он привлек к себе девушку и крепко поцеловал.

— Иди, родная, и ложись спать. Предупреди родителей, чтобы не пугались шума. Я сбегаю за инструментами. Платочком деготь не сотрешь.

«...В дореволюционных деревнях и селах, а кое-где и в небольших провинциальных городках существовал дикий обычай мазать дегтем ворота дома, в котором проживала девушка, обесчещенная кем-либо или известная жителям своим дурным поведением и распутством. Бывали случаи, когда из-за мести, озорства или ради корыстных соображений таким спо-

собою пытались ошельмовать честных, порядочных девушек и молодых женщин...».

Катя захлопнула книгу. Вот, оказывается, в чем дело. И Геннадий знал об этом варварском обычае, знал, но побоялся сказать. А может, поверил клевете?.. Кому, кому нужна эта клевета?..

Только под утро Катя уснула. Сон ее был беспокойным, тревожным.

Занимался новый летний день, солнечный, светлый, но по-осеннему сумрачно было на сердце у девушки, когда она шла на фабрику.

Первая половина дня прошла, как обычно, в напряженной работе у станка. До обеда Геннадий в цехе не появлялся. А когда раздался гудок на перерыв, Терехину позвали в комитет комсомола.

Геннадий сидел за столом и что-то читал. Увидев Катю, он пристально посмотрел на нее, и в его взгляде девушка прочла нежность и беспокойство.

— Товарищи! — Хижняков поднялся с места и оглядел собравшихся. — Времени у нас мало. То, что я хочу с вами обсудить, не терпит отлагательств. Все мы хорошо знаем Катю Терехину, отличную производственницу и активную комсомолку...

«Что такое? Значит, все-таки обо мне!» — Кровь отхлынула от лица Кати. Она с такой

силой переплела пальцы рук, что побелели суставы.

Хижняков продолжал:

— Мы знаем также, что в разоблачении бывшего пресвитера здешней общины пятидесятников и его приспешников Катя сыграла не последнюю роль.

— О чем разговор? Правильно!.. — слышались голоса.

— Это не все, — поднял руку Геннадий. — На Терехину начали клеветать, лить грязь. Вот! — Он вытащил из папки маленький листок бумаги и помахал им в воздухе. — Это письмишко было послано в райком партии, в наш, комсомольский райком, в районную газету, подсунуто кое-кому в почтовые ящики. Лживое письмо, порочащее Терехину. Но и этого подлецам показалось мало. Они пустили грязный слух, в общем, задались целью оклеветать нашу Катю. Скомпрометировать комсомолку, возглавившую молодежный поход против лицемеров и ханжей.

Катя сидела не шевелясь. Так вот откуда началось!

А Геннадий продолжал:

— Корытко в армии. Я уверен, что он ничего не знает о затеянной здесь грязной возне с целью опорочить его подругу детства. И вот, товарищи, я написал письмо в часть, где слу-

жит Корытко. — Голос секретаря зазвучал неуверенно, словно Геннадию стало трудно говорить. — Почему именно я написал, тут, понимаете, дело такое... А в общем, послушайте, и вам все станет ясно.

Поспешно, словно боясь вопросов, Геннадий начал читать письмо, лежавшее перед ним на столе.

«Здравствуйте, товарищ командир! Пишет вам сержант запаса Геннадий Хижняков, ныне секретарь комсомольской организации ткацкой фабрики имени Тельмана в поселке Ляном.

Служит у вас паренек из наших мест, Самсон Корытко, и я обращаюсь к вам, товарищ командир, с просьбой помочь не только мне, не только нашей комсомолке Кате Терехиной, работнице ткацкой фабрики, подруге детства Самсона, но и всем комсомольцам поселка, начавшим большой бой против пережитков старого в сознании людей.

Мы разоблачили злостного самогонщика и спекулянта, который, как выяснилось, во время оккупации служил у немцев полицаем. Это руководитель здешней общины пятидесятников Димитрий Гречишников. Над ним уже состоялся суд в нашем Доме культуры. Катя Терехина была первой комсомолкой, поднявшей тревогу по поводу сектантского влияния в

Льняном. В свое время она пыталась бороться и за Самсона Корытко, ныне вашего солдата, а теперь очень помогла в разоблачении здешних лжепророков.

Товарищ командир, верьте солдатскому слову — я это пишу не потому, что люблю Катю, не потому, что она любит меня и, возможно, скоро мы будем вместе, вдвоем, навсегда. Просто я считаю своим долгом сказать прямо и открыто — Катю Терехину пытается оклеветать черная свора. Ворота Катиного дома измазали дегтем, прибегли к этому старому, варварскому обычаю, чтобы опорочить девушку.

В райком партии и комсомола, в нашу газету «Свет коммунизма», на квартиры отдельных граждан Льняного поступили анонимки, в которых пишут, что Катя Терехина — гулящая, путается со многими, хотела женить на себе Самсона и в отместку за его отказ стала клеветать на него и на его единоверцев.

Мы, конечно, догадываемся, кто является организатором всей этой травли, и сумеем постоять за честь и доброе имя нашей Кати, но мы хотим, чтобы клевета и ложь в ее адрес обернулись против клеветников. Для этого, товарищ командир, нам нужна помощь Корытко, нужно его письмо, правдивое, прямое, открытое,

Я лично не знаком с Корытко, но мы оба солдаты, поэтому я протягиваю ему руку и говорю: «Помоги, друг!»

На этом кончаю. Извините, что отнял время, дело серьезное. Желаю успеха в работе и в жизни. Бывший сержант Геннадий Хижняков».

Геннадий кончил читать и поднял голову. Он увидел приветливые, дружеские лица комсомольцев, увидел Катю. Девушка сидела побледневшая, притихшая. На него с любовью смотрели ее большие блестящие глаза.

— Кто за то, чтобы послать это письмо, поднимите руку, Голосуют все! — Хижняков оглядел сидящих. — Против и воздержавшихся нет?... Принято единогласно!

А на фабрике уже слышался гудок, возвещавший о конце обеденного перерыва.

ВСТРЕЧА В ГОРОДЕ

В городском Доме культуры строителей должен состояться большой антирелигиозный вечер молодежи. Афиши широко оповестили о том, что после доклада на тему «Есть ли бог?» выступят бывшие сектанты, порвавшие с религией. А по окончании официальной части

будет демонстрироваться художественный кинофильм «Грешница».

На этот вечер и повез группу молодых солдат майор Арсеньев.

Наблюдая за Семеном Корытко, замполит все более убеждался в недостаточности собственных усилий. Он понимал, что ему одному не побороть религиозного фанатизма молодого солдата, что для этой цели требуются куда большие знания по истории, естествознанию и даже философии.

Корытко не знал, зачем и куда он едет. На его вопросы ребята отшучивались: «Невест выбирать, а ты что, недоволен?». Только у входа в Дом культуры он увидел афишу. На секунду-другую остановился растерянный, смущенный, но один из солдат дружески подтолкнул:

— Иди, чего озираешься?

Сверху доносились звуки радиолы. До начала официальной части молодежь решила немного потанцевать. Пока солдаты раздевались в вестибюле, поправляли перед зеркалом гимнастерки, подгоняли ремни, второй звонок пригласил собравшихся в зрительный зал. Самсон подумал: «Ладно, уже коли завлекли сюда, до конца буду слушать. Бог простит. Не по собственной воле я здесь. Только от ребят надо оторваться. Мешать будут, поддевать по

любому поводу. Я же должен хорошенько слушать, ни одного слова не пропустить. Вот оно, пришло испытание вере моей».

Умышленно замешкавшись внизу, Корытко вошел в зал последним и, не оглядываясь, юркнул на свободное место в одном из задних рядов.

Самсон не подозревал, что его немудреная хитрость замечена майором Арсеньевым.

«Ну что же, так лучше, — решил замполит. — Пусть посидит один, внимательно послушает, без озорных, смешливых ребят, которых даже мое присутствие не всегда удерживает от подковырок и шуток».

Доклад не взволновал Самсона. Правду о «мощах» и «чудесах», давно раскрытых наукой, историю гибели Джордано Бруно, принявшего смерть от рук «слуг божьих» и святой церкви, Самсон слушал как рассказ о далеком прошлом. Кроме того, это не касалось его веры. Ведь и их община отвергала иконы и кресты.

Но вот кончился доклад, утихли аплодисменты, и председательствующий объявил о выступлении пятидесятника, порвавшего с сектантами, Евграфа Кавранского. И с этого момента Корытко уже не отрывал глаз от трибуны. Он забыл о переполненном зале, о товарищах, о майоре Арсеньеве. В выступавшем

Самсон узнал гостя, приехавшего к ним в поселок Лыняной года два назад.

Да, это он, Евграф Кавранский, по поручению главного пресвитера проверял общины пятидесятников, вел душеспасительные беседы с молодыми членами их секты.

Это он, Кавранский, говорил: «Старики умудрены опытом, а вы, молодежь, только начинаете свой богом начертанный путь. Вам я и хочу помочь, чтобы не ошиблись, не оступились...».

Как же получилось, что духовный просветитель вдруг отрекся от своей веры?

— Я много думал и много пережил, прежде чем открыто сказал, что я усомнился и не верую, — взволнованно говорил Кавранский. — Сотни вопросов вставали передо мной, и ни на один из них я не нашел ответа ни в Библии, ни в других «священных писаниях». Кто, например, в состоянии засвидетельствовать все чудеса загробной, небесной жизни, если еще ни один человек не вставал из гроба и мертвый не воскресал? Почему всемогущий господь не заметил, что Авраам совершил прелюбодеяние? Ведь он был женат на Сарре, а сына Измаила ему родила служанка Агарь. Иисус Христос, как сказано в Библии, родился в городе Назарете, а оказывается, что этот город появился на земле только через 150 лет

после рождения Христа. Где же и когда родился младенец Иисус? Или вот насчет свиней. Святой Матфей и святой Лука рассказывают, что Христос изгонял из человека чертей, и они, черти, вселились в свиней, принадлежавших евреям. Но кто же не знает, что евреи, считавшие большим грехом есть свинину, не разводили свиней? А библейский пророк Моисей, оказывается, был убийцей. «Не убий!» — провозглашал он, а сам убил египтянина и тело его закопал в песок...

Кавранский нанизывал один пример на другой, приводил десятки библейских противоречий, разрушал хитроумные выдумки священных легенд и сказаний. Его слушали внимательно, иногда в зале слышался смех, вспыхивали аплодисменты.

Самсон неотрывно смотрел на Кавранского, который так убедительно и беспощадно опровергал то, во что призывал верить совсем недавно и его, Самсона Корытко.

Лицо солдата так ясно выражало смещение, что сосед его, пожилой мужчина с морщинистым, изжеванным лицом, наклонился и негромко спросил:

— Вы знакомы с ним? — И кивком указал на сцену.

— Знаком. Он приезжал к нам в Лыняной. Проповедовал, убеждал, а теперь...

— Отступник он. Сатане проданся! — В тихом голосе соседа прозвучала такая лютая злоба, что Коротко внимательно оглядел незнакомца.

Невзрачный с виду, прилично одетый, лет пятидесяти... «Как он попал сюда, на вечер молодежи?» — подумал Самсон.

— А ты верующий? — спросил сосед, вперив немигающие глаза в солдата.

Самсон растерянно пожал плечами, поймав себя на мысли, что стесняется сразу сказать правду. Но и этой нерешительности для старика, видно, было достаточно.

— Верующий! — удовлетворенно констатировал он и предложил: — Выйдем, поговорим.

В фойе Дома культуры было прохладно и тихо. Новые знакомые устроились в укромном уголке за массивным роялем, и старик торопливо заговорил, поминутно оглядываясь.

— Тебя как зовут?

— Самсон.

— Божье имя. Меня в миру Афанасием кличут. Но бог дал мне и другое имя, по трудам моим. Не знаю, могу ли я тебе довериться?

Коротко удивленно посмотрел на него.

— Не удивляйся, что опасаясь и спрашиваю, — продолжал тот. — Слишком много на

земле безбожников и слуг сатанинских. А довериться можно только достойному человеку, кто ищет настоящего бога и хочет служить ему.

— В бога я верую, — сказал Корытко, чувствуя озноб от сверлящего взгляда старика, от его непонятных, таинственных слов.

— Хорошо, что веришь. Только какая вера твоя? Небось, в православной церкви поклоны бьешь или в баптисты подался?

— Мы пятидесятники, — неуверенно, будто виновато, проговорил Самсон.

— Ха! — коротко и насмешливо выдохнул Афанасий. — Трясуны! Разве трясением изничтожишь врагов наших?

— Каких врагов?

Корытко вконец растерялся. В бога он верил, но уничтожать никого не собирался. А этот старик, обдавая его тошнотворным дыханием, шепчет что-то о врагах, об их уничтожении.

— Послушай, парень. — Цепкие пальцы старика сжали локоть Самсона. — Я тебе доверюсь. Только не предашь? Сохранишь верность богу?

Корытко, не отвечая, мотнул головой.

— Голубиная у тебя вера, Самсон. Бог есть любовь... Лепет ребячий! Настоящая вера — суровая. Она кровью обагрена. Вот ты форму

солдатскую надел, а зачем она богу, не подумал? Ведь ты на услужение сатане пошел. А мы всего себя господу нашему Иегове посвящаем. Ты слышал о свидетелях Иеговы ?

— Слышал.

— Мы — могучая сила, — торопливо продолжал Афанасий, все так же оглядываясь по сторонам. — Мы не плачем, не трясемся, как вы, а боремся и ждем. Очень скоро грянет Армагеддон — священная война, она умертвит демонов, истребит нечестивых, адовым мукам предаст богохульников. Погибнут все, кто не с нами. Наместник Иеговы на земле, только он один знает, когда начнется священная война. Это великая тайна, недоступная никому, даже нам, слугам Иеговы.

Самсон молчал, не в силах собраться с мыслями.

— Вот что, — голос Афанасия посуровел. — Не как Афанасий, а как слуга Иеговы, как сноповязальщик поучаю тебя, еще молодого и неискушенного. Сейчас говорить нам долго нельзя. Приходи в наше братство. Только у нас познаешь правду о боге, найдешь путь к бессмертию.

Рука Афанасия нырнула в карман пиджака и извлекла оттуда маленький, бережно свернутый листок бумаги.

— Возьми, почитай пророческие слова еди-

ного бога нашего Иеговы. Осторожно читай, не попадись. Ведь мы братство тайное, вроде христиан в Риме. Как и они, муки за веру принимаем. Только мы не веруем в триединство. Есть один бог — Иегова, Христос — сын его, святой дух — сила божья. Вот так. И никому не рассказывай обо мне, иначе тяжко покарает тебя всевышний... Хотя глаза твои правдивые, бржьи, не читаю лжи в них. Придешь?

— Приду.

Было что-то зловещее и требовательное в шепоте, в настороженном поведении «сноповязальщика» Афанасия. Уже в конце беседы, уточняя день и час будущей встречи (в воскресенье, в двенадцать дня, возле дома номер десять на Костричной улице, или в следующее воскресенье, там же), Афанасий мимоходом спросил, в какой части служит Самсон и где размещена эта часть.

Безотчетно, еще находясь под впечатлением только что услышанного, Корытко тоже шепотом ответил:

— Стрелковый полк мы... Двести семнадцатый.. Военный городок наш на сорок первом километре... Справа от леса...

СОВЕСТЬ СОЛДАТСКАЯ

«Сноповязальщик» — кличка иносказательная. Так называется вербовщик новых членов в организацию «Свидетели Иеговы».

«Вяжите снопики» — значит: вовлекайте людей в секту. Этого требует на страницах центрального иеговистского журнала «Башня стражи» нынешний «наместник бога на земле», американский банкир Натан Кнорр.

Кнорр — четвертый по счету американский капиталист, которому Иегова «поручил» представлять свои божеские интересы на грешной земле. Если это так, то нельзя не удивляться необыкновенной последовательности, с которой Иегова выбирает своих помазанников: только американцы и только капиталисты.

Джон Рокфеллер — основатель династии нефтяных королей — одновременно один из создателей организации «Свидетели Иеговы». «Бог спустил меня на землю, чтобы делать деньги, и те, кто становится на моем пути, идут против воли божьей», — изрек однажды этот «небом посланный» промышленный магнат, и слова его являются по сей день знаменем для руководителей иеговистского центра.

Руссель, Руттерфорд и, наконец, Натан

Кнорр как «божескую эстафету» приняли друг от друга руководство мрачной, человеконенавистнической международной организацией «Свидетели Иеговы».

В пригороде Нью-Йорка Бруклине, в особняке Кнорра, располагается иеговистский центр. Здесь днем и ночью кипит работа. По приказам центра во многие страны мира, но главным образом в страны социализма, тайными тропами переправляются издаваемые на 38 языках многомиллионными тиражами журналы, брошюры, всевозможные листовки.

«Горе всем, еще не примкнувшим к свидетелям Иеговы! — неустанно вещает эта литература. — Горе всем! Иегова — бог войны, войны беспощадной, священной, именуемой в божьем писании Армагеддоном. В грядущей войне от оружия, мора, землетрясений и голода погибнет две трети всего человечества», — воют иеговистские шакалы.

«Враг бога тот, кто борется за мир. Разбойник с большой дороги менее опасен, чем борец за мир», — возвещает как одну из заповедей «Свидетелей Иеговы» журнал «Башня стражи».

«Революция больше чем глупость. Власть дана только иеговистским избранникам. Они являют собой великий интерес мира, и люди

бессильны перед ними», — пишут вожаки иеговистов в своих печатных органах.

Иеговистские проповедники неуклонно внушают верующим мысль о том, что только Америка — страна апостольская, а в странах, где победил народ, к власти пришли демоны, и с ними нужно бороться всеми средствами.

«Будьте ручными, как голуби, ядовитыми, как змеи, тихими и покорными, как овцы, но когда призовет Иегова и представится возможность служения ему, пусть ваши руки не ослабнут», — поучает Натан Кнорр и, претворяя в жизнь его веления, «слуги Иеговы», рука об руку с матерыми шпионами, террористами и диверсантами, оснащенные оружием, ядами, магнитофонами, радиоаппаратурой, антисоветскими журналами и листовками, нелегально переходят границы социалистических стран, оседают в подполье, откуда ведут свою подрывную деятельность и вражескую пропаганду.

«Не убий!» — лицемерно вещает «Башня стражи», а тем временем «слуги божьи» ножом и ядом расправляются с опасными противниками или с заколебавшимися в вере вчерашними сподвижниками.

Для иеговистов, тайно действующих на территории Советского Союза и других стран социализма, Бруклинский центр выдвигает до-

полнительные требования: «Укройся от службы в Советской Армии, не голосуй на выборах, не читай газет, не посещай клубов, читален и прочих бесовских мест».

Таков звериный оскал секты «Свидетели Иеговы», секты тайной, иезуитской, преступной.

В эту ночь Корытко уснуть не мог. Закинув руки за голову, он лежал на спине и думал.

В памяти возник последний вечер в поселке. Разговор с Катей в роще возле обрыва. Как глупо он вел себя, как глупо! Потом вспомнился отец. Встретятся ли они еще когда-нибудь?

Самсон крепко зажмурил глаза. И внезапно новая мысль обожгла сознание, потушила мысль о Кате, об отце.

Листовка! Что в ней написано? Самсону еще не удалось прочитать ее. Наверное, молитва или какое-нибудь пророчество о скором возвращении Иеговы на землю. И все же Самсон понял: не уснуть ему, пока не прочтает листовку. Ни за что не уснуть!

Бесшумно поднявшись, Корытко огляделся по сторонам. Тихо. По-ребячьи посапывает Горбушин. Ничто не тревожит доброго сна младшего сержанта.

Вытащить из аккуратно сложенных солдатских брюк упрятанный листок — дело двух се-

кунд. Осторожно ступая, Самсон вышел в полутемный прохладный коридор.

Сколько времени отсутствовал Корытко, он, пожалуй, и сам не смог бы сказать: полчаса, час, может, целую вечность... Главное заключалось не во времени.

Когда солдат шел обратно, казалось, что по коридору брел уже совсем другой человек — постаревший, согнутый, с опущенными плечами, с посеревшим заострившимся лицом. Маленькая листовка — Самсон прочел ее несколько раз — словно подменила его, даже обычно спокойные глаза смотрели сейчас по-иному — тревожно, зло, решительно.

Да, Корытко решился. Листовка, в конце которой стояла подпись: «Президент духовного общества «Свидетели Иеговы» Натан Кнорр. Нью-Йорк — Бруклин», а внизу значилась совсем недавняя дата, раскрыла ему многое.

Вот они, зловещие слова. Он прочитал их только что собственными глазами и хорошо запомнил: «В странах социализма народ Иеговы обязан организоваться и действовать в конспирации. Демонская власть царит в этих странах, и бороться против нее нужно не только с помощью Библии...».

Вся иеговистская листовка была заполнена подобными призывами. Вражеские лозунги пе-

ремежались с грязной клеветой на Россию, на его Родину.

Было ясно — листовку написал враг. Значит, хранит и дает читать ее тоже враг, в обязанность которого входит вербовка новых членов подпольной секты. Об этом тоже прямо написано в листовке: «Усерднее сейте пшеницу, вяжите снопики».

Теперь Корытко понимал, что значит кличка его нового знакомого Афанасия. «Сноповязальщик»... Просто вербовщик, гадюка ползучая...

При мысли о том, что произошло сегодня, еще больше холодело сердце, еще страшнее казалось преступление, совершенное им — советским солдатом, нарушившим присягу. Но вместе с сознанием беды настойчиво, неодолимо созревало решение.

Самсон быстро оделся и снова вышел в коридор.

— Дневальный! Мне нужно срочно к майору Арсеньеву! — громко сказал он. В эту минуту Корытко позабыл о спавших товарищах, о строгой солдатской дисциплине.

— Ты что, рехнулся? — гневно зашептал дневальный. — Ночь ведь!.. Какая муха тебя укусила? Подавай ему замполита...

— Пойми... Мне надо срочно повидать майора.

— Утром повидaeшь. Иди спать.

— Не могу... Не имею права...

На лице Самсона смятение, тревога, глаза лихорадочно блестят — и дневальный растерялся. После короткого колебания он молча кивнул головой и вызвал дежурного.

Путь, которым дежурный провожал Коротко к майору Арсеньеву, показался Самсону бесконечным. Они прошли весь военный городок, дошли до чистенького командирского домика и поднялись на второй этаж.

Дверь была приоткрыта. Майору уже доложили о предстоящем визите поздних гостей. А вот и сам хозяин. Он стоял в передней и зябко кутался в халат.

Когда дежурный собрался рапортовать, Арсеньев остановил его движением руки:

— Не надо. — И смущенно добавил: — Дочка спит, ей завтра к восьми в школу. Идите. Благодарю вас.

Дежурный ушел. Осторожно ступая, Самсон Коротко шагнул следом за командиром.

Маленькая, оклеенная светлыми обоями комната дышала уютом и покоем. В углу на письменном столе горела лампа, видимо, только что зажженная хозяином. Здесь же лежали открытая книга и толстая тетрадь. Диван, стоявший возле стены, был застелен и наспех покрыт темным одеялом.

Арсеньев прошел к столу и посмотрел на солдата, стоявшего на пороге комнаты.

— Что случилось, товарищ Коротко? Чем вы встревожены?

Встревожен... Точный взгляд у замполита. Самсон с шумом втянул в себя воздух и ответил деревянным, чужим голосом:

— Товарищ майор, виноват я... Присягу нарушил... Тайну военную разгласил...

И протянул руку с измятой листовкой «сноповязальщика» Афанасия.

КОСТРИЧНАЯ, ДОМ 10

В жизни человека бывают события, память о которых сохраняется на долгие годы. Изморозью седины покрывается голова, паутинка морщин проступает возле глаз, а человек помнит, будто случилось вчера, а не двадцать, тридцать лет назад, что-то очень большое, не проходящее, незабываемое.

Ночной разговор с замполитом вошел в жизнь Самсона Коротко именно как такое событие. А ведь сказано было немного, да и слова майора казались обычными, простыми. И даже прощаясь, он ничего не обещал, только вновь повторил, что очень тяжелый проступок совершил Самсон — воин Советской Армии.

И все же на сердце было легче, когда возвращался Коротко в казарму.

Удивительное дело! Он не испытывал тревоги и боязни за свою дальнейшую судьбу. И это не было пассивным безразличием — будь, что будет — столь близким и знакомым за годы пребывания в секте пятидесятников; и не слепая вера в божескую помощь вселяла в Самсона спокойствие и надежду.

Нет! Проходя по безлюдному военному городку, следя за облаками на светлеющем предутреннем небе, Коротко ощущал, как и из его сердца уплывает, словно ночное облако, тяжелое, давящее чувство, не покидавшее его почти всю жизнь.

...В трудах и учебе солдатской незаметно пролетело пять дней. За это время Самсона никуда не вызывали, никто «по делу» с ним не разговаривал. Зато изо дня в день дружный коллектив третьей роты с радостью и удивлением подмечал перемены, происходившие в Коротко.

Будто подменили парня. На занятиях Самсон внимательно слушал, старался не пропустить ни одного объяснения. А однажды даже обратился к Горбушину:

— Ты бы мне с карабином помог... Поостал я малость.

Если бы в этот момент Самсон поднял го-

лову и посмотрел на Кирилла, он увидел бы как посветлело лицо комсомольского секретаря, как радостно блеснули его глаза. Еще бы! Значит, прав Арсеньев. Значит, не зря боролся за парня. Вот они, первые результаты большого, трудного дела, к которому и он, Кирилл Горбушин, причастен.

— Ну что ж, помогу. Завтра начнем.

И все же иногда на Самсона нападала тоска. Примостившись на любимом месте возле окна, он вел с самим собой тревожный разговор. «Что-то будет? — сверлила тревожная мысль. — Не может быть, чтобы такое мимо прошло, не затронуло меня. Ведь я преступление совершил, расположение части выдал».

И вот в субботу вестовой из штаба вызвал рядового Коротко к командиру полка. Самсон шел, понутив голову. Ему казалось, что теперь уже никогда, ни сегодня, ни завтра, он не вернется обратно.

Первым, кого Коротко увидел, войдя в штаб, был майор Арсеньев. Замполит быстро подошел к солдату, ответил на приветствие и негромко посоветовал:

— Не волнуйтесь. Разговор предстоит серьезный, но вы обо всем расскажите откровенно, без утайки. Все будет хорошо. Понятно?

— Понятно, товарищ майор, — так же не-

громко ответил Самсон и неожиданно, совсем по-детски, спросил:

— А вы?..

Арсеньев понял его состояние. Улыбнувшись, он кивнул головой и шагнул к двери кабинета полковника Северцева.

Разговор действительно состоялся серьезный, без скидок. Самсону почти не задавали вопросов. Только вначале командир полка предупредил:

— Рядовой Корытко, имейте в виду, совершенный вами проступок отвратителен и подсуден. К тому же службу вы несете из рук вон плохо. Рассказывайте все. Я не поп, или как он у вас называется, но требую подробной, чистосердечной исповеди. От нее многое зависит.

Последние слова Северцева прозвучали не только как предостережение, но и как надежда.

Кроме полковника в кабинете находились еще четыре офицера: подполковник Бережной, капитан Прядченко, майор Арсеньев и незнакомый Самсону капитан.

Корытко поправил ремень и заговорил. Бесхитростно, просто поведал он о всей своей жизни, небольшой, но путаной, поломанной фанатизмом матери. Рассказал об осужденном отце, любовь к которому носил в сердце и по сей день.

Не таясь, не оправдываясь, все как было, рассказал Самсон о встрече с Афанасием в Доме культуры, о последних днях, когда «будто мозги у меня в голове повернулись».

Непривычно длинная речь утомила Самсона. Капельки пота увлажнили лоб, покраснелось лицо, а слова все рвались и рвались из сердца, и в глазах не было ни тревоги, ни беспокойства. Глаза солдата блеснули, лучились, и Арсеньев, лучше остальных знавший Коротко, сейчас окончательно поверил в то, что бой за человека выигран. Поняли это и остальные офицеры. Поэтому, когда Самсон кончил свою исповедь, наступило долгое молчание. Потом полковник Северцев деловито, со сдержанной, чуть приметной теплотой в голосе, сказал:

— Имейте в виду, пора опеки и уговоров кончилась. Хватит вам путаться под ногами у товарищей, плестись в хвосте у жизни. Выходите в первые ряды. Только так вы сможете искупить вину перед Родиной.

Северцев поглядел в сторону Арсеньева и добавил, что вообще-то за разглашение военной тайны виновного должен судить трибунал, но, учитывая чистосердечное признание Коротко, командование решило ограничиться строгим внушением.

Когда офицеры вышли, незнакомый капитан попросил Самсона ненадолго остаться.

Они сели возле письменного стола полковника, капитан вытащил из кармана измятый листок и протянул его Самсону.

— Держите. Это иеговистская листовка, которую вам передал «сноповязальщик».

— Зачем она мне? — испуганно отдернул руку Самсон.

— Сгодится, как говорят у нас на Киевщине. Сгодится, хлопец. — Капитан усмехнулся и неожиданно спросил: — Что-нибудь о иеговистах читали?

— Нет.

— Зря. Почитайте. Увидите, как враг, прикрываясь божьим именем, ведет антисоветскую работу.

— Товарищ капитан, я прочел эту... — Самсон показал на листовку. — Прочел и враз все понял.

— Все?

— Все.

— Ой ли? — недоверчиво усмехнулся капитан. — Не торопись, солдат. Я, пожалуй, больше знаю о сектах и то во многом разобраться не могу. Так вот, слушайте внимательно. Завтра, в воскресенье, в двенадцать дня, как вы и договорились с Афанасием, встретитесь с ним на Костричной у дома десять. Встретитесь и вернете листовку...

Без малого час разговаривал капитан с

солдатом, а уходя крепко пожал ему руку и пожелал удачи.

В тот же день Корытко передали письмо от Хижнякова. Несколько раз перечитал Самсон письмо. Перечитал, загрустил, а потом два часа пел и вздыхал баян в искусных руках солдата. Вечером Самсон сел писать ответ Геннадию. Описал все, как было, желал ему и Кате большого счастья и обещал по приезде в Лыняной по-солдатски поговорить с клеветниками и провокаторами.

В воскресенье с утра шел дождь. По небу ползли тяжелые тучи, и не было им ни конца, ни края. Мелкие, дробные дождевые капли стучали в окна, и казалось, что кто-то горстями бросает их в стекла.

Корытко, получив увольнительную с вечера, уехал в город незадолго до утреннего подъема. Так посоветовал капитан.

— Будет меньше расспросов, меньше разговоров, — сказал он.

В вагоне пригородного поезда пассажиров было немного. За окном мелькали поля. Над небольшим леском прозрачной волной колыхалась пелена дождя.

До двенадцати в распоряжении Самсона оставалось еще три часа.

Томительно тянулось время. Он побывал на почте, написал большое сердитое письмо ма-

тери, дважды принимался за письмо к Кате и рвал недописанные листки. Ничего не получалось.

Самсон подолгу стоял у витрин магазинов, у фотоателье, от корки до корки прочитал вчерашние газеты, вывешенные на стендах. Первым зашел в открывшийся универмаг, откуда скоро вышел с небольшим свертком под мышкой.

Наконец, пришло время идти на свидание.

Костричная оказалась небольшой улочкой. Возле приземистого двухэтажного дома номер десять стояла очередь. Самсон с удивлением прочел вывеску: «Городские бани». Что же дальше? Но солдату не пришлось ни раздумывать, ни ждать. Почти тут же около него появился Афанасий. В кургузом пиджачке, с узелком в руках «сноповязальщик» вынырнул из толпы и вплотную подошел к Самсону.

— Помыться решил, солдатик? От грехов очиститься? Идем.

Не ожидая ответа, Афанасий протиснулся в дверь, и Корытко молча двинулся за ним.

Пройдя узкий коридор, Афанасий повернул не влево, к старушке, сидевшей на контроле, а вправо, толкнул ногой маленькую дверку, и они оказались в комнате, уставленной бельевыми шкафами.

— Наша сестра здесь работает, — пояснил

Афанасий и деловито осведомился: — Как у тебя?

— Все в порядке.

— Прочел?

— Прочел. Страшновато.

— Страшновато? То ли еще будет, когда придет Иегова, когда Армагеддон забушует на оскверненной сатаной земле, когда люди в огне гореть будут и останутся одни избранные божьи. Ну, а ты-то готов войти в братство наше, принять испытание и очиститься от скверны?

— Готов, — чуть слышно прошептал Самсон и опустил голову, «Сноповязальщик» не отрывал от Корытко пристального взгляда.

— Как в город ушел?

— Сказал, что скоро именины у матери. Подарок купить надо.

— Купил?.. Покажи!

Корытко развернул сверток и показал купленную им в универмаге косынку.

— Молодец, толковый парень, — одобрил «сноповязальщик», — но сегодня мы с тобой никуда не пойдем. Еще не время тебя к нашим приводить. Обождать надо.

— А я и не могу сегодня. Мне скоро возвращаться.

Самсон полез в карман, вытащил измятую листовку и протянул ее Афанасию:

— Возьмите. Боязно мне. Увидят — пропаду.

— Хорошо сделал, что принес. И впредь храни в тайне все, что увидишь и услышишь у нас. И мы твою военную тайну беречь будем... Солдат двести семнадцатого стрелкового, что на сорок первом километре возле леса.

Слова Афанасия словно ножом по сердцу резали Самсона. Он даже сжал кулаки. Если бы Афанасий прочел его мысли, то понял бы, что в эту минуту мог неожиданно вознестись на небо, так и не дождавшись прихода Иеговы.

Но Самсон промолчал. Расценив его молчание как испуг и согласие, Афанасий подобревшим голосом сказал:

— В следующие воскресенья, и первое и второе, буду ждать тебя. Опять здесь. Подходящее место. Приходи, послушаешь большого брата, слугу божьего, тайно, издалека прибывающего сюда к нам.

— Издалека? — как эхо повторил Самсон.

— А ты что думаешь? Для слуг божьих границ нет. Если надо, наш брат может ужом переползти, птицей перелететь, рыбой переплыть.

— Через границу?

— Еще раз повторяю: для бога и его слуг человеческие границы — ничто. Да ты не сму-

щайся, все узнаешь. А мы не только глаза тебе откроем, но и деньжатами поможем. Пригодятся, парень ты молодой. Мы друг дружке во всем помогать обязаны. А теперь иди. И молчи. Пытать будут, все одно — молчи, иначе проклянет тебя Иегова, страшной смертью накажет.

Самсон выходил первым. Он был так занят своими мыслями, что не заметил двух мужчин в штатской одежде, но с военной выправкой. Мужчины проводили взглядом солдата, дождались, когда выйдет Афанасий, и двинулись за ним.

На этом можно было бы и закончить рассказ о религиозных заблуждениях бывшего сектанта-пятидесятника Самсона Коротко. Теперь началась новая страница, новая глава в его биографии. Этих страниц будет еще много-много, и каждая из них расскажет о том, как шел по жизни, как делал жизнь советский молодой человек, которому армия помогла снять повязку с глаз и стать настоящим гражданином социалистического общества.

Быстро, будто наперегонки, пробежали недели, месяцы.

Приближалась очередная годовщина Великой Октябрьской революции. В третьей роте подводились итоги социалистического соревнования. Редколлегия стенной газеты «На посту» готовила праздничный номер.

В эти осенние дни рано темнело, и Самсон любил наблюдать, как вспыхивают электрические лампочки, как сумеречная темнота, таившаяся во всех углах, мгновенно растворяется, исчезает.

Раньше, бывало, все свободное время он проводил в тоскливом уединении или бесцельно бродил по коридорам. А теперь сразу же спешил в Ленинскую комнату — к друзьям-товарищам, которых появилось немало.

И сегодня тоже. Войдя в Ленинскую комнату, Самсон сразу же оказался в кругу солдат. Его встретили приветливые, веселые голоса:

— Молодец, не подкачал!

— Он теперь самого снайперского бога за бороду ухватил!

— Лучшему стрелку нашей эпохи — привет и поздравления!

— Пойди, погляди на свой портрет, — предложил редактор стенгазеты Сергейчук. — Ты выглядишь маршалом.

— Самсоша, ты теперь понял, что на одном молоке жить трудновато? — протиснулся впе-

ред Огурцов. — Ведь с того молочка, что из пропащих патронов выдаивается, не очень-то разжиреешь.

Самсон подошел к стенду, на котором был вывешен свежий, предпраздничный номер стенгазеты, и увидел фотокарточку. Он, Корытко, почти в центре небольшой группы солдат. Внизу подпись: «Наши отличные стрелки».

Если бы мать, Катя или кто другой из земляков посмотрели на фотоснимок, никто не узнал бы прежнего Самсона. Чуть сдвинутая набок пилотка лихо сидела на голове. Ворот гимнастерки, из-под которого виднелся белый подворотничок, плотно облегал шею. Глаза под длинными густыми бровями глядели весело и слегка горделиво. В уголках губ угадывалась улыбка. От детской припухлости щек и постного вида не осталось и следа.

— Ну как, браток? — не выдержал Огурцов. — Нравится тебе этот парень?

Самсон был смущен и не находил слов для ответа. Такое он переживал впервые. От внезапно нахлынувшей радости захотелось пуститься в пляс, обнять и расцеловать каждого, даже этого зубоскала Огурцова. Но сейчас надо было выглядеть солидным, уравновешенным, и Самсон пробормотал:

— Ишь ты... Да...

— Люблю содержательные речи! — Огурцов захлопал в ладоши. — Вы только вдумайтесь в глубокий смысл этих замечательных слов: «Ишь ты... Да...».

Солдаты расхохотались, и Корытко вместе со всеми.

В эту ночь снова не мог уснуть Самсон. Все думал о жизни — прошлой, нынешней, будущей.

Через два года, отслужив срок, он вернется в родной поселок Льяной, и не узнают его люди. Вроде тот и не тот. Открытый взгляд, твердая поступь, крепкие руки, а на гимнастерке будет гореть комсомольский значок. Член ВЛКСМ! И не в молельный дом пойдет он, а в мастерскую, на фабрику, в райком, в клуб — к людям!

Катя... Знает Самсон, что при встрече с ней заколотится, защежит его сердце, но все равно — он не опустит глаз, не склонит головы, а протянет руку для дружеского рукопожатия: «Здравствуй, Катя, вот я и вернулся!».

Впрочем, кто знает... Может и не вернется Самсон в Льяной, а уедет вместе с Кириллом Горбушиным на целинные земли Казахстана или укатит на новостройки Сибири, промыслы Дальнего Востока. Правильно сказал майор Арсеньев:

— Вас, демобилизованных воинов, везде

ждут и принимают с распростертыми объятиями, как самых близких и желанных друзей. Везде услышите: добро пожаловать!

И начнет работать, учиться, растить детей бывший солдат, а может и сержант Самсон Коротко.

Так будет. Обязательно будет!

Самсон широко улыбнулся, зажмурил глаза и неожиданно сразу уснул. Это был крепкий сон молодого, здорового парня, которого завтра ожидал новый день новой жизни.